

Тофик АХМЕДОВ

СЕДЬМОЕ НЕБО,

или
Репортажи
из дома престарелых

Рассказы, сценарий, стихи

РЕНОМЕ

Санкт-Петербург
2008

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
А95

Ахмедов Т.

А95 Седьмое небо, или Репортажи из дома престарелых :
Рассказы, сценарий, стихи / Тофик Ахмедов. — СПб. :
Реноме, 2008. — 152 с., [8] с. ил.

ISBN 978-5-98947-099-0

Это маленькие истории о маленьком человеке, которого
жизнь бросала из одной крайности в другую. Но и там и
тут нашлось место и для любви, и для искренности, и для
дружбы...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

*Я из дворян бакинского двора,
Свой титул ни на что
не променявший!
почти Б. Окуджава*

Сильное
небо

JA

Седьмое небо

Перед моим лицом стеклянный квадрат. Это окно вагона метро. Усталое лицо пожилого человека смотрело на меня из темного пространства квадрата.

Холодок пробежал под сердцем. Да ведь это я сам.

Быстро бежит время, ох как быстро, неумолимо приближая безграничное пространство безвременья.

В 2006 году мне стукнуло шестьдесят один, и мы с женой, которая была моложе, поступили в дом престарелых.

Как и многие другие, утвердившиеся у нас в мозгу понятия, заведение это должно быть местом убогим, жалким и почти трагическим. Вроде как ворота в другой мир.

Настрой наш был отрицательным, и шли мы туда без особой охоты, но нужно было познакомиться с условиями и принять окончательное решение.

То, что мы увидели, мы встречали только в отелях четыре звезды. Огромный холл, весь в мраморе и с температурой чуть выше пятнадцати градусов, а дело происходило в самый разгар лета на Лазурном Берегу, и жара стояла невероятная. Задышав глубоко, охлажденным воздухом, мы нашли свои отражения в зеркальных стенах довольно приободренными. Входная дверь за нами закрылась автоматически, как бы подтверждая технологическую демократичность заведения.

Следующим, особенно приятным открытием стала гувернантка, подбежавшая к нам как к самым желаемым посетителям, улыбка которой весьма гармонировала с молодежьей фигурой, обтянутой узкими джинсами, соблазнительно выпирающими сзади. Итак, налицо все необходимые условия для прекрасного сервиса.

Мадам пригласила нас сразу посмотреть нашу студию. Так здесь называют квартиры, предназначенные для проживания пансионеров (от слова пансион). Нас пригласили в один из лифтов, и мы поехали на седьмой этаж. Поднявшись на этаж, мы оказались в центре длинного зала, затемненного тонированными внешними стеклами алюминиевых оконных проемов. Это был холл, уставленный легкой тростниковой мебелью, как бы еще раз напоминавшей, что мы находимся на Лазурном Берегу. Звуки шагов заглушал ковер.

Дверь в нашу студию была тут же. Мы вошли в затемненный коридор, и гувернантка, попросив извинения неизвестно за что, нажала на какую-то кнопку. Вдалеке с небольшим жужжанием стали подниматься жалюзи, и свет хлынул в пространство нашей студии. То, что мы увидели, подкосило нас окончательно.

Весь коридор сверкал зеркальными раздвижными дверями стеновых шкафов, а справа была дверь в ванную, всю в удивительно мягких кофейных тонах. Кафель, ванна, унитаз, биде и большая раковина с зеркалом и подсветкой, сушилка для полотенец и обогрев ванной комнаты в холодное время — все это вполне соответствовало понятию «евроремонт», модному в Москве.

Коридор выходил в небольшой салон, справа от которого за ажурной стенкой следовала спальня. Обе комнаты были обставлены мебелью единого стиля.

Но наши взгляды были устремлены дальше на террасу. С огромной террасы с выходом из каждой комнаты открывался феерический вид. На фоне лазурного моря и высокого голубого неба перед нами стоял на холме дворец принца, а под нами шумел Монте-Карло.

Завершалась вся эта красота небольшой летней столовой, а справа на террасе у выхода из спальни комнаты стояли шезлонги для принятия солнечных ванн.

«Господи, да ведь это седьмое небо», — вырвалось у моей супруги, и я понял, что решение остаться уже принято.

А наше удивительное путешествие продолжалось. Мы поднялись на девятый этаж, где на выходе из лифта находилась огромная терраса, где свободно можно было устроить забег на шестьдесят метров, спортивный зал с различными снарядами, а главное — часовня, где по воскресеньям католики проводят мессы под руководством пастора, живущего в этом же доме.

Последние штрихи нанесли ресторан, находящийся на нижнем этаже, с летней верандой, где в хорошую погоду пьют кофе, библиотека с салоном и замечательно настроенным фортепиано и телевизором, где на огромном экране можно наблюдать различные спортивные соревнования, а также наша улыбающаяся все время спутница, которая сообщила, что раз в неделю две женщины убирают студию, меняют постельное белье и полотенца, аж по три каждому. И когда роскошная улыбка спросила нас: «Ну как вам?» — то моя жена уже почти плакала, а я погрузился, вспомнив, что наши родители и представить себе не могли, что такое может существовать.

Наша участь была решена, несмотря на удивленные взгляды пансионеров, средний возраст которых хорошо перевалил

за восемьдесят, а нам было только шестьдесят, что для них означало пору большой активности.

Таким образом, открылась новая страница нашей совместной жизни в окружении добродушных, полных энтузиазма и хорошо ухоженных стариков, некоторые из них родились еще до Первой мировой войны и, как ни странно, до сих пор сохранили добрую память о старых временах.

Кролик

Эта смешная история произошла через месяц после нашего прибытия.

Во время завтрака в зал ресторана выбежал повар с большим разделочным ножом в руках. Это был молодой, веселого нрава итальянец.

— Здесь не пробежал кролик, которого я готовил на завтра?

Пансионеры заулыбались и стали заглядывать под столы, поддерживая игру повара.

— Ну ладно, — продолжал повар, — нет так нет. Что-нибудь придумаем.

На следующий день во время обеда повар обходил столы — узнать, нравится ли обед, и спросить мнение насчет меню на завтра. И когда подошла очередь нашего стола, я спросил у него:

— Как видно, вы вчера поймали своего кролика?

— Нет, — с веселой ужимкой ответил повар, — но не страшно, зато я поймал двух жирных кошек, так что обед удался.

Все рассмеялись, не придав особого значения словам повара. Обед прошел замечательно, и жареный кролик хорошо пошел под красное вино. Наконец, выпив по чашке настоящего кофе, мы решили пройтись после сытного обеда. Выйдя из

здания, мы с женой двинулись в сторону небольшого сквера. На углу, прямо напротив сервиса автомобилей, стояла телефонная будка. На двери будки красовалось наклеенное на стекло объявление.

Когда человеку делать особенно нечего и он сытно поел, его любопытство достигает максимума, и мы с женой решили почитать, что там предлагают.

И каково было наше удивление, когда мы увидели, что это объявление о пропаже домашней кошки. Удивление наше было настолько неподдельным и сильным, что я, ничего не говоря, побежал обратно в наш ресторан.

Найдя повара, который был как всегда весел и довольно фальшиво, но громко пел итальянскую арию, я рассказал ему про объявление. Он же, хитро сверкая глазами, схватил меня за руку и прошептал на ухо:

— Прошу тебя, не говори никому, — и хохоча без удержу пошел на кухню, куда мне был вход воспрещен.

Я стоял несколько секунд обалдевший, пока вдруг на меня не напал жуткий хохот. Я долго не мог успокоиться и, наконец, увидев жену, прибежавшую за мной и удивленно смотревшую на меня, сумел только произнести:

— Стареем, мать, стареем. Весь юмор растеряли!

Разговор с пастором

Я очень обрадовался, когда мне представилась возможность спокойно поговорить с представителем католической церкви. Как я уже говорил, в нашем доме есть небольшая часовня, где по воскресеньям проводится месса.

Пастор наш обедает с нами, и поэтому мне не представляло труда договориться с ним о встрече.

Меня интересует вопрос права человека на жизнь и смерть. Я считаю, что оба эти права должны быть уравнены. Человек должен иметь право уходить из этой жизни тогда, когда его жизнь становится невозможной. И общество, и государство должны его поддерживать, создавая все условия для спокойного, безболезненного, и главное — не осуждаемого обществом ухода.

Можно по-разному толковать судьбу Иисуса Христа, который, приняв на себя все человеческие страдания, по собственной воле взошел на Голгофу, чтобы доказать своим последующим возвращением, что он сын Бога.

Мне кажется, что в этом жесте есть еще одна деталь. Христос показал людям их право уходить из жизни тогда, когда они считают необходимым.

Нельзя человека оставлять страдать ни телом, ни душой!!!

Встреча наша произошла в самой непринужденной обстановке, за столом в ресторане, куда во время автобусной прогулки в горах привезла нас наша очаровательная гувернантка. День был сентябрьский, солнечный, но не очень жаркий. Самое замечательное то, что ехать вызвались почти все наши пенсионеры.

Удивительный феномен. Люди довольно преклонного возраста, прожившие порой нелегкую жизнь с ее большими и малыми потерями, несущие в своем теле множество замедленных бомб в виде различных болезней, иногда даже очень заметных постороннему глазу, ни на грамм не потеряли интереса к жизни. Они готовы принимать участие во всех мероприятиях нашего дома: в хоровом пении, рисовании, китайской гимнастике «тай-ши» и т. д., а тем более в поездках на автобусе, в завершение которых предусматривается обед в ресторане по полной программе: аперитив, холодное блюдо, горячее блюдо, сыр и затем десерт, сопровождающиеся неограниченным количеством вина, а венчает все это роскошная чашка чистого кофе арабика, сваренного по-итальянски. А как они пьют! Любо глядеть. Тут же молодеют, и даже темы разговоров переходят от несварения желудков к резвой молодости и веселости нравов. Причем по разговорам я понял, что вспомнить каждому есть о чем. Например, наши соседи по столу, которым вместе более ста шестидесяти лет от роду, часто хвастаются тем, что у нее он четвертый муж, хоть и не зарегистрированный, что позволяет ей получать пенсию от первых двух, чем она очень довольна, а у него она шестая жена, и последние десять лет он счастлив, потому как она очень милая и они понимают друг друга, хотя, как мне показалось, она проносит в день всего два слова.

В общем, собрались мы утром в один из будничных дней у нашего дома и ждали появления автобуса. Тут я обратил внимание на разницу подхода к поездке. Это была наша первая поездка, и мы поэтому нарядились как туристы — в кроссовки и спортивную одежду. В отличие от нас народ был одет с иголочки. Дамы в нарядных платьях, а кавалеры хоть и без галстуков, но в шикарных костюмах. От всех пахло хорошим кофе и дорогими духами. Можно отметить, что народ собрался весьма состоятельный.

Преодолев некоторые трудности подъема по крутым лестницам современного громадного автобуса, народ уселся в комфортабельные кресла. Последней в автобус вошла наша гувернантка и, сделав томными глаза и включив улыбку, предупредила, что необходимо пристегнуться и что она лично будет проверять. Среди мужского населения произошло некоторое оживление. Все вдруг забыли, как пристегиваться, и всем была нужна помощь нашей очаровательной спутницы, которую она тут же оказывала. Шутки, иногда на грани фола, неслись отовсюду, и наш автобус тронулся, умножив хорошее настроение звуками замечательной музыки несовременного французского шансона.

Ехали мы в местечко, которое в больших Альпах называлось «горловиной реки Лу», а так как «Лу» по-французски — волк, то горловину в народе именуют «горлом волка». И действительно, когда оказываешься на небольшом плоскогорье между двумя высокими голыми вершинами и на берегу реки, воды которой несутся вниз с грохотом, невольно съеживаешься, хотя справедливость перевода вряд ли кто сможет подтвердить.

Но эта дикая природа, уже давно прирученная человеком, предстала перед нами в виде деревень, наклепленных на наи-

более труднодоступных скалах, и вызывала восхищенные взгляды престарелых французов и итальянцев, гордящихся тем, что они сумели сохранить эти бастионы истории своих народов и так же бережно продолжают охранять их от разрушения. Во многие из этих деревень запрещен въезд автобусов и автомашин туристов. Хочешь посмотреть — заезжай на хорошо организованный и, главное, бесплатный паркинг, ставь машину, вылезай и смотри. И не дай вам бог нанести какой-то ущерб строениям, фонтанам или садам. Оштрафуют, не будешь рад. А решишь смыться с места происшествия — не надейся, что останешься незамеченным. Обязательно запишут номер машины и передадут в полицию. Здесь это считается гражданским долгом, особенно у старшего поколения.

Любовь к Родине, ее истории и быту, законам вызывает уважение и некоторую зависть.

Так как большинство нашей группы составляли люди с проблемами передвижения, мы остановились у небольшого рынка перед въездом в деревню Турет на Лу. На рынке торговали в основном продукцией местных рукоделов: хлеб, конфитюры, домашнее вино и ликеры, овощи, фрукты, сыр, а также продукцией местных кустарей — кофты, джинсы, разные бусы и браслеты.

Немного побродив по рынку, наши старики решили идти к автобусу, стоявшему в двухстах метрах на паркинге. Чтобы не идти пешком, нам показали на остановку маленьких восьмиместных автобусов, которые возили бесплатно покупателей рынка на паркинг. И это в горах, возле малюсенькой деревни.

Итак, разбившись на маленькие группы, наши поехали к паркингу. А мы, чтобы не ждать, ведь правила хорошего тона требуют, чтобы мы, «молодые», пропустили вперед старших,

пошли пешком, а с нами увязался наш сосед по столу, который в свои восемьдесят четыре года никак не хотел себя считать старым и немощным. Он часто шутил за столом, что ему уже много лет, но он никуда не торопится.

Наконец, добравшись до автобуса, народ расселся по своим местам, громыхая бутылками вина и оливкового масла, приобретенными на рынке. Сопровождаемые замечательной музыкой, мы поехали дальше. Дорога, по которой мы ехали, была довольно узкой, особенно для нашего автобуса, и мы ехали медленно, чтобы на поворотах пропускать встречные автомобили. К счастью, машин было мало, так как на местной церкви уже пробило двенадцать и народ засел за столы обедать. Здесь это свято. Обедать по большой программе — и никаких разговоров о делах.

Ну вот и мы подъехали к нашему обержу — это небольшая горная гостиница с огромной верандой, где расположился летний ресторан.

Наши столы уже были сдвинуты и сервированы. Народ быстро распределился за столами. Нам досталось место напротив наших соседей по седьмому этажу.

Начался обед, и я обнаружил, что по мою правую руку сидит пастор, видимо, не совсем случайно.

Пожелав друг другу приятного аппетита, мы принялись за аперитив. Это было домашнее вино, настоянное на апельсинах и каких-то пряностях. К нему подали небольшие закуски из лука, запеченного на кусочках теста.

Обстановка летнего ресторана со статуей Святой Марии с младенцем на руках в глубине сада, между деревьями которого стояли столы под огромными белыми зонтами, из-под которых виднелось голубое пространство неба, зажатое двумя огромными серыми вершинами, располагала к хорошей еде и умным разговорам.

И мы, запивая крестьянский салат из фуа-гра* и сушеного мяса гуся, смешанных с яркими листьями свежего латука и политых оливковым маслом с бальзамическим уксусом, красным терпким вином местного производства, потихоньку подходили к стадии серьезных разговоров. Особенно это усилилось после поданого жаренного на решетке говяжьего филе под винным соусом и овощным гарниром и запиваемого уже холодным розовым вином того же производства.

Теперь уже нас нельзя было оторвать от нашей темы о вечности. А свой главный вопрос я приурочил к последнему кулинарному удару, который был подан после пробы нескольких сортов козьего сыра. Это были горячие шоколадные пудинги, почти жидкие внутри и превосходно идущие под холодное вино.

Вот тут я и пригласил моего пастора пройти со мною в бар, чтобы там, приняв дежистив в виде сливового самогона, называемого французами «водой жизни» (только они могли придумать такое поэтическое название алкоголю), задать ему свой главный вопрос:

— А имеет ли право человек уходить из жизни тогда, когда он это решит, в силу обстоятельств, сделать?

И каково было мое удивление, когда я услышал от католического пастора:

— Я думаю, человек должен быть полностью свободен в принятии решений, касающихся его жизни.

Мне этого было более чем достаточно.

Обратно мы ехали очень весело, хором подпевая замечательным ариям Кальмана и Оффенбаха, доносящимся из автобусного приемника.

* Жирная печень гуся.

Подруги

Рассказ этот — плод моего воображения, но некоторые герои в нем реальны.

За два стола от нашего, в среднем ряду, спиной к нам сидели две старушки. Одна достаточно высокая и для своих как минимум восьмидесяти лет бодрая, а вторая — маленькая, худая, с торчащими во все стороны седыми волосами.

Внимание мое привлекла совершенно отчетливая былая красота этих женщин, которые с особой нежностью относились друг к другу, были всегда в темных очках и пили много вина.

На каждый стол полагался на четверых графин красного, а в рыбные дни белого вина. Так наши бабки выдували первый графин вдвоем, так как их третья соседка по столу вообще не пила вина, и требовали второй графин. И им всегда приносили.

На эту последнюю деталь обратили внимание все пансионеры, и все знали, что вторую половину обеда наши бабки будут весело заигрывать с мужчинами всего зала, кокетливо поворачиваясь в их сторону, жеманно салютуя рукой и спрашивая: «Как делишки?»

Наш сосед по столу, восьмидесятичетырехлетний француз Ален, весьма импозантной, барской внешности, видимо,

еще не отвыкший после шести жен от женского внимания, учитывая его весьма солидное финансовое положение, часто смеялся над бабками, а однажды рассказал нам историю двух стариков, которые жили с ним в таком же доме, как наш, в Ницце, десять лет тому назад, и обедали с Аленом за одним столом. Одного звали Тьерри, а другого Ролан. В ресторан обедать они приходили уже изрядно приняв аперитив и сразу приступали к вину, а так как Ален пил вино, смешанное с большим количеством воды, то они вдвоем быстро управлялись с первой бутылкой и требовали вторую. Так они в первый же день рассказали свою историю. Встретились они много лет тому назад на парижской панели для мужчин. Они были гомосексуалы и проституты. Долго оба кормились своим ремеслом, пока однажды Тьерри не позвал Ролана в ближайший бар и не предложил покончить с профессией и создать семью. Денег, мол, удалось немного собрать, их можно положить в банк под проценты и неплохо жить вдвоем, одной семьей. На это Ролан расплакался и ответил, что он уже давно об этом мечтает и что лучшего партнера, чем Тьерри, он себе и не желает.

Так с панели ушли двое самых красивых бывших танцоров и образовалась новая добропорядочная семья.

Устроились они хорошо на Лазурном Берегу, где Тьерри от матери достался небольшой домик. Подрабатывать стали уроками танцев. Жили они дружно и делили все радости и трудности жизни.

Шло время. Старость подобралась и к нашим героям. Стало тяжело вести хозяйство, следить за домом, готовить еду.

Однажды Тьерри принес домой проспект, в котором пожилым людям предлагали поселиться в доме, где полный уход и питание в ресторане гарантировались на хорошем уровне.

Недолго думая Тъери продал дом матери, а вырученные деньги заплатил за проживание вместе с Роланом в доме на полном обеспечении.

Переезд их состоялся весной. Дом находился недалеко от центра Ниццы на возвышении, и поэтому с балкона открывался изумительный вид на город и море.

За столом в ресторане они оказались рядом с Аленом, который, будучи моложе на десять лет, пользовался популярностью у женщин.

Оказавшись за столом напротив Алена, Ролан вдруг потерял аппетит. Он робел за столом и не смел поднять глаза. А Ален, видя такой неожиданный оборот, не обращая внимания на грозные взгляды Тъери, начал заигрывать с Роланом, изображая якобы возникшую у него взаимность.

Ален изощрялся в остроумии и эротических рассказах на грани фола, а Ролан продолжал смотреть в тарелку.

Как-то вечером в доме проводился ужин с танцами, и Ален пригласил на танец Ролана, к удивлению всех дам, рассчитывавших на его внимание. Ролан сидел рядом с Тъери, опустив голову.

Но тут на приглашение встал Тъери, такой же высокий, как и Ален, схватил его грубо за локоть и со злостью в голосе попросил больше этого не делать. Ален хотел было грубо ответить, что они не на парижской панели, но, увидев взгляд Ролана, понял, что этого делать нельзя, и отошел в сторону.

На следующий день Тъери попросил отсадить их с Роланом за другой стол. С тех пор оба обедали за столиком в противоположном конце зала, не снимая темных очков, как бы демонстрируя, что инцидент исчерпан и что им наплевать на косые взгляды пансионеров.

Прошло некоторое время, и Ален нашел себе, наконец, даму сердца, которой было на четыре года больше, чем ему, но она замечательно выглядела и была хорошо обеспечена предыдущими мужьями, очень мало говорила и этим, видимо, отличалась от предыдущих французских жен Алена.

Итак, Ален со своей сожительницей оказался с нами за одним столом.

Рассказ Алена вызвал у нас естественный вопрос, почему, мол, он смеется, глядя на наших старушек?

— Да я смеюсь, чтобы не заплакать. Ведь история закончилась довольно грустно. Ролан через некоторое время бросил Тъери и уехал к себе на родину в Германию. А что касается меня, то мне теперь все больше кажется, что мимо пронеслось самое светлое и большое чувство, а я из-за своего чванства этого и не заметил.

Мы продолжали получать все положенные нам удовольствия, и Ален с нами, но иногда, довольно редко, взгляд его улетал куда-то далеко.

Мы делали вид, что ничего не замечаем. И он был нам благодарен.

Первая любовь

В один из начальных классов школы, расположенной на горе, ходили мальчик и девочка. Родители детей работали на фарфоровом заводе и были здесь приезжими.

Девочку звали Моник, это была небольшого росточка, голубоглазая девочка, рыжеватые волосы которой словно горели под ярким солнцем Лазурного Берега.

Мальчик был тоже небольшого роста, с личиком настолько серьезным и даже немного сердитым, что он был похож на старичка. Одет он был всегда в черные брюки и белую рубашку с бабочкой. Звали его Роже.

Роже был влюблен в Моник той бескомпромиссной детской любовью, которая порой накладывает отпечаток на всю оставшуюся жизнь.

Моник замечала взгляды Роже, и ей это было приятно. Ей нравился этот мальчик, который выделялся среди других детей своей серьезностью. Роже был очень способным учеником, особенно к языкам. Свободно владел французским, итальянским и неплохо говорил на арабском, так как родители его были евреями и детство Роже провел в Марокко.

Моник так привыкла к постоянному присутствию Роже, что когда вдруг родители Роже уехали на север Франции и увезли его с собой, все вокруг как-то опустело. Через несколь-

ко дней Моник получила по почте большой конверт, в котором была фотография их класса, на ней лица Моник и Роже были обведены толстым красным карандашом.

И рыжее солнце расплакалось, и в глазах ее появилась грусть, которая так и осталась на всю жизнь.

Так получилось, что после небольших каникул нас посадили за новый стол, где уже сидела довольно бодрая и, как видно, веселого нрава женщина, а напротив нее — весьма серьезный пожилой мужчина, седая шевелюра которого торчала во все стороны.

Наши новые соседи представились по фамилиям, как здесь принято.

Обед наш обычно длится не менее полутора часов, и уже в первый же день мы узнали многое о своих соседях.

Соседка действительно оказалась дамой веселого нрава и живо реагировала на немногочисленные, но исполненные юмора и некоторого сарказма замечания соседа на происходящее за другими столами. Мы узнали, что у нее трое детей, пятеро внуков и двое правнуков. Что прожила она в Монако всю жизнь, здесь же вышла замуж и состарилась. В нашем доме она уже двенадцать лет. Раньше жила со старшей дочерью и, решив перебраться в наш дом, первое время сильно скучала. Но через год за их стол посадили довольно сердитого вида мужчину, оказавшегося на самом деле весьма общительным и внимательным соседом. Он без всякого предисловия рассказал о своей жизни.

Оказывается, в начале Второй мировой войны наш сосед жил в Италии, скрывая свое еврейское происхождение, и поэтому был призван в итальянскую армию и послан на Восточный фронт. Там он попал в плен и провел остаток войны на Кавказе. В городе Ростове, где он вместе с другими

пленными строил дома, встретил девушку, которую любил и раскрылся ей, что он еврей, скрывающийся под итальянским гражданством. Неожиданно для себя он был довольно радушно принят семьей девушки и был сыт и тепло одет в холода. Плен кончился, и он вернулся в Италию, а оттуда на север Франции, который считал своей настоящей родиной.

Только в шестидесятом году он получил известия из России и тут же, выправив документы, поехал в Ростов, где и прожил, путешествуя по стране почти год. В этот раз гражданство у него было французское, и он мог передвигаться свободно, в пределах разрешенных территорий, по стране, к которой питал особую слабость. Таким образом он выезжал в Россию несколько раз. Но в конце шестидесятых, по окончании хрущевской оттепели, он забрал жену, ту самую девушку, и уехал. В этом же году он устроился на работу на фарфоровый завод в Монако, где раньше работали его родители. Через несколько лет он потерял жену. Остался сын, который выучился и стал довольно известным местным врачом.

Тем временем подошла старость, и, уйдя на пенсию, наш сосед решил завершить свой путь в роскоши нашего дома и оказался за одним столом с веселой дамой.

С первого же взгляда наш сосед что-то заподозрил. Что-то ему напоминали эти грустные голубые глаза соседки, а ее рыжеватые седины возвращали его в далекие времена.

На второй день он принес с собой на обед большой пожелтевший конверт. Из него он вытащил и передал без слов фотографию. Соседка, несколько минут помолчав, вынула из сумки красную губную помаду и жирно обвела два лица. Это были Моник и Роже.

Долго после этого царило молчание за столом. Но это было последнее молчание и последняя грусть.

Теперь всем из любого уголка зала видно, что за этим столом сидят счастливые люди.

Воистину, Господи, неисповедимы пути твои!!!

Последняя любовь

Много ли нужно человеку, чтобы, следуя словам поэта «на свете счастья нет, но есть покой и воля», быть довольным жизнью, особенно когда тебе уже под восемьдесят, а следы прошедших бурь еще не совсем изгладились.

Оказывается, много! Оказывается, и в восемьдесят можно почувствовать себя счастливым, даже если совсем потерял надежду на это.

Однажды утром на завтрак к нам за стол посадили новенькую. Женщине было под восемьдесят, но физически выглядела она совсем не дряхлой, хотя ходила с тростью. Звали ее Мадлен. Следы замечательной красоты не покинули еще ее стареющего лица. У нее были довольно пышные волосы, собранные на манер жительниц островов Карибского бассейна, а раскосые глаза говорили о смешанном происхождении.

Мадлен нас сразу же шокировала, потому что сразу после приветствия начала плакать. Причем было видно, что плач очень даже горький.

На протяжении почти всего завтрака Мадлен плакала и рассказывала свою историю.

Жила она, оказывается, много лет с мужем на островах и была счастлива. Когда муж ушел на пенсию, они переехали

на континент и, сняв четырехкомнатную квартиру, поселились в Монако.

У Мадлен было двое детей. Старший сын и дочь, но дочь, начавшая, как здесь принято, жить самостоятельно слишком рано, перенесла какую-то сложную жизненную трагедию и, не выдержав своего депрессивного состояния, выбросилась из окна восьмого этажа.

Для Мадлен это была большая трагедия, тем более что она недавно потеряла и мужа. Но надо было продолжать жить, помогать сыну, которой после автомобильной катастрофы страдал печенью. В конце концов сын познакомился с женщиной старше его, но согласной разделить его проблемы, женился и уехал с ней в Бретань, на другой конец Франции.

Мадлен осталась совсем одна в огромной квартире. Кроме обычных бытовых проблем: содержание квартиры, готовка пищи и других мелочей, — у нее появилась страшная проблема одиночества. Многие ее знакомые и друзья уже давно перешли в мир иной, а те, что остались, советовали ей сдать квартиру и перебраться в дом престарелых.

После долгих раздумий и настоятельных рекомендаций лечащего врача Мадлен решила поселиться в нашем доме.

Первые два дня она была полностью занята приехавшими сыном и невесткой, довольными ее решением, переездом и перевозом части мебели.

На третье утро, проснувшись, Мадлен обнаружила себя в чужой кровати. Вещи вокруг были знакомые, но не было привычных звуков и запахов. Даже свет в окне был другой. Ее охватил страх. С большим трудом она вспомнила, что должна идти завтракать в ресторан, и Мадлен заставила себя встать, умыться и спуститься на лифте в ресторан.

Завтрак у нее прошел вперемежку со слезами. Все вокруг как-то погрустнели. Каждый вспомнил свои болячки и проблемы, и поэтому расходились молча. На это обратила внимание наша очаровательная гувернантка, которая решила создать для Мадлен условия, способные вывести ее из мрачного состояния.

Когда пришло время обедать, и весь народ уже сидел за столами, в зал вошла Мадлен под ручку с гувернанткой. Они вдвоем обошли весь зал, и гувернантка представила нам новую пансионерку. Так, обойдя весь зал, гувернантка подвела Мадлен к столу, где сидел самый остроумный, самый совестливый, самый бородастый Жак. За этим же столом сидели его сестра с мужем.

Когда Мадлен подошла к столу, Жак поднялся со своего стула, представился и поцеловал ей руку.

Сестра Жака, женщина внушительных размеров, особенно со спины, была большая хохотушка и всегда весело реагировала на остроты Жака и своего мужа, вдвое меньшего своей жены и при этом большого любителя потанцевать.

Мадлен хотела было начать рассказывать, как ей не хватает привычных мелочей, но сестра Жака расхохоталась над чем-то, что сказал ей на ухо муж. Да так весело и громко, что и соседние столы начали улыбаться, даже не зная в чем дело. И все обратили внимание, что Мадлен тоже улыбается. Это уже было хорошим признаком.

На следующий день Жак пришел в ресторан в белом пиджаке с красным галстуком и платочком в кармашке, что замечательно гармонировало с его большой белой бородой.

За столом Мадлен показалась несколько смущенной. Оказывается, Жак пригласил ее совершить небольшую прогулку по Монако после обеда.

Женевьева, сестра Жака, весь обед хохотала над шутками, которые отпускал ее муж в адрес нарядной парочки.

Обед закончился на весьма веселой ноте.

Через несколько дней на девятом этаже Красный Крест устраивал большую благотворительную лотерею. Наша маленькая компания поднялась на этаж чуть раньше, в надежде занять места поближе к сцене.

На просторной террасе, отгороженной от зала стеклянной стеной, мы сначала услышали залиvistый женский смех, а затем увидели нарядных Жака и Мадлен. Лица их были озарены ярким солнцем и светились изнутри. Весь зал встал и начал аплодировать. Это была еще одна счастливая пара.

А говорят, в восемьдесят не бывает. Еще как бывает!!!

Язык

Язык у меня, как и у всех людей один, но за годы моего существования он научился различным манерам выражать мои мысли.

Язык моей крови — это язык моих тюркских предков, пришедших сюда из просторов Алтая, в чем я абсолютно уверен, и принесших миру огромную культуру, вполне вероятно спустившуюся с небес.

Хотя мои древние предки были великими воинами на конях, отличавшимися безграничной смелостью, настойчивостью, смекалкой, и были вооружены уже в ранние века оружием, сделанным из железа, тогда как их противники еще не совсем отошли от обожания каменного топора, они создали уникальный язык поэтов и философов, язык, не несущий в себе агрессии и проповедующий веру в небесного Бога, дарующего любовь.

Письменное отражение этого языка внесло столь огромную веху в историю человечества, что стало основой таких великих творений человеческого мозга, как Библия, Авеста, Веды. И самое удивительное, что такие письмена, как корейский, монгольский, греческий, латинский, рунический, еврейский, арабский, русский имеют один источник — это алфавит алтайских тюрков.

Даже буддизм был создан выходцем из алтайских тюрков, о чем свидетельствуют книги великого эпоса Индии «Махабхарата».

И сегодня, когда мою внучку родители каким-то невероятным образом называют Намасте, что означает «добро пожаловать в этот мир», я расцениваю это как фантастический привет от моих далеких предков.

Язык моего наиболее долгого общения — это русский. Я его учил в школе и долгие годы работы говорил только на нем.

Я люблю этот язык, который понимаю в мельчайших деталях. Я чувствую его доброту, музыкальность, подверженность лирике и меланхолии. Этот язык я хорошо понимаю, и на этом языке я стараюсь на бумаге выразить свои не всегда скудные мысли. На этом языке я общаюсь со своими внуками, хотя моя Намасте слушает меня внимательно, понимает, но отвечает по-французски, вклинивая в свою речь русские слова. А моя старшая внучка, владеющая неплохо французским, немецким и английскими языками, пишет мне эсэмэски на русском латинскими буквами.

Когда я читаю русские книги, я могу заплакать от красивой, глубокого смысла фразы. У меня такое и в молодости случалось, и это не только следствие старческого маразма...

Язык моего современного общения — французский и немецкий. Меня пленили лиричность и песенность французского и четкая математичность немецкого.

Должен сознаться, что мое знание этих языков далеко от совершенства, которое, наверное, никогда не наступит, но язык улиц и ежедневных общений я чувствую в интонациях, что абсолютно необходимо как ценз для вступления в местное общество.

Вот что представляется мне самым главным. Язык может освоить множество манер выражать мысли. Главное, чтобы его творчество не несло агрессии и было объединяющим, тем более что в основе всех знакомых мне языков лежит язык моих далеких предков, несущий в этот мир любовь.

Источники:

Адам Метц. Мусульманский ренессанс.

Мурад Аджи. Тюрки и мир: сокровенная история.

Лицо женщины, или В музее Марка Шагала

Многие века множество поэтов и философов посвящали большие и малые трактаты женскому лицу. Но даже, наверное, не смогли выразить средствами человеческого языка малую толику того, что несет в себе женское лицо.

Лицо женщины — создание божественное, и изображение его под силу только тем, кому дан божий дар.

Ближе других к разгадыванию тайны женского лица подошел великий Леонардо, но и он только означил загадку, но решить ее не сумел, видимо, это и невозможно.

Сколько величайших фотографов, используя лучшую фотографическую технику, пытались зафиксировать, как им казалось, чуть приоткрывшуюся в лице модели тайну, но затем, разглядывая фотографию, они понимали, что женское лицо неподвластно статическому отображению, что это объект реальной жизни и вечного движения, остановив которое, вы переходите в другое измерение и теряете смысл.

Женское лицо живет отдельно от тела. Посмотрите, если она вам не запрещает это делать, на спящую женщину. Тело ее в покое, оно неподвижно, но лицо, лицо — оно продолжает жить, и какая гамма чувств отражается в нем.

Это великое чудо — женские лица, и мы, мужчины, должны быть счастливы уж только тем, что нам позволено взирать на них.

Напротив нас на завтрак в ресторан приходит огромная женщина — Клер. Это богатырь от природы. Большие руки, которые она по прибытии кладет на стол, вызывают у меня уважение. Это руки рабочего человека, которая, в молодом возрасте оставшись без мужа, была вынуждена идти работать на завод и, выполняя мужскую работу, поднимать своих детей.

Характер у Клер под стать рукам: четкий, решительный, бескомпромиссный.

Но лицо ее — это, как принято говорить, действительно зеркало ее души. Оно кипит, когда речь идет о несправедливостях этого мира, оно покрывается туманом, когда речь идет о ее внуках и правнуках, оно становится абсолютно беззащитным, когда говорят о смерти кого-нибудь из наших пансионеров.

Случилось как-то, поехали мы все на экскурсию в Ниццу посетить музей Марка Шагала. Как обычно, все разбрелись по залам, рассматривая витражи.

Примерно минут через двадцать все обратили внимание, что все это время Клер стоит перед одним и тем же витражом, где изображена дорога с музыкантами, вдали кресты и над всем витает ангел.

Решили не мешать, но любопытство все-таки влекло всех посмотреть, что такого особенного увидела Клер в этом фрагменте. Таким образом, за Клер собралась почти вся наша группа. Смотрели тихо. Вдруг Клер как бы очнулась и повернулась ко всем, и все увидели слезы на ее глазах, а вокруг ее головы в темном зале светился нимб. Все так и ахнули. А Клер, подняв на всех глаза, вздохнула и, тряхнув головой, двинулась к выходу.

Долго после этого шушукались наши кумушки, что же это было, но спросить у Клер боялись.

Я спросил потом у Жака, который в тот день стоял рядом со мной, видел ли он тоже свечение. Жак ответил, что видел, но он думает, что это какой-то световой казус в темном зале; он у нас большой прагматик.

Позднее кумушки прознали, что Клер пишет книгу, и тут у меня появилась надежда, что Клер осилит этот труд и мы все-таки узнаем некоторые ее тайны.

Красный дождь

Было солнечное воскресенье, и мы после посещения монастыря Ляге, куда ездим практически каждое воскресенье, ставим свечки и произносим небольшую молитву нашему Богу, благо он нам не предписывает, где и когда мы должны ему молиться, возвращаемся в Монако.

На спуске при въезде в город, совсем недалеко от нашего дома, было пустое место для парковки автомобиля, и я подумал, что проще оставить машину здесь, чем спускаться в гараж на лифте, и что потом вечером, когда мы поедем в Мантон кушать пиццу, будет легче ее забрать.

Только мы успели подняться к себе, как задул порывистый ветер, небо покрылось тучами и хлынул дождь. Мы решили отдохнуть и почитать.

Было уже почти семь часов вечера, когда мы, отойдя от небольшой сиесты, обнаружили, что дождь уже закончился и по-прежнему светит солнце. Аппетит мы уже нагуляли, и было самое время ехать кушать лучшую на побережье пиццу.

Мы вышли из дома и двинулись в направлении автомашины. Приблизившись к месту, где мы оставили нашу машину, мы с ужасом обнаружили, что на этом месте вместо нашего беленького «фиата» стоит «фиат» какого-то грязно-красного

цвета. Я машинально посмотрел на номера машины. Номера наши. Что за ерунда?!

Я провел пальцем по капоту, и на нем появилась белая полоса.

Тут я обратил внимание, что и другие автомашины рядом также покрыты какой-то красно-бурой пылью. И не только автомашины, но и земля вокруг, стены и деревья покрыты такой же пылью. Вокруг все было красным.

Мгновенно в голове моей вспыхнуло множество версий. Вселенская катастрофа, кислотный дождь, вулкан. Я не знал что думать, а еще меньше, что делать. Забрать автомашину и вот так, не получив ответа на вопросы, ехать кушать пиццу мне и в голову не пришло.

Стало темнеть, и машина моя стала вообще какого-то коричневого цвета.

Наконец я догадался позвонить по мобильному моему зятю, как-никак, а он здесь давно живет и, наверное, встретился с этим явлением.

Объяснение феномена оказалось совершенно простым. Оказывается, во время песчаных бурь в африканской пустыне Сахара ветер поднимает в воздух тонны песка и несет их в сторону Европы. Здесь все это смешивается с дождем и выпадает на землю красными осадками.

Ничего опасного, оказывается, в этом не было, только надо было потом хорошенечко помыть машину.

Успокоившись, мы забрали красный «фиат» и поехали в Мантон. По дороге нас сопровождал пейзаж Красной планеты, который в отблесках неоновых световых фонарей будоражил наше воображение.

Пубелизм

Пубель в переводе с французского означает мусорный ящик, контейнер, помойное ведро.

За годы жизни в Европе я много раз видел людей на улице, копающихся в мусорных ящиках, и мне всегда казалось, что это нищие, бездомные люди ищут съестное или пустые бутылки, чтобы сдать в обмен на хлеб.

Но каково было мое удивление, когда я узнал, что пубелизм — это целое явление, и что поиском чего-нибудь интересного в мусорных ящиках занимаются вовсе не бедные люди, а вполне даже зажиточные. По крайней мере, мне на это открыл глаза крупный инженер, владелец квартиры в Монте-Карло и обладатель большой пенсии.

Пубелизм — это страсть к открытиям, поиск, можно сказать, новых земель и, кстати, весьма интересное времяпрепровождение, особенно когда ты на пенсии и у тебя много времени.

Необходимо внести некоторые уточнения. В Европе последние двадцать лет довольно строго относятся к разделению мусора. Существуют специальные контейнеры для бумаги, бутылок, пищевых продуктов, для одежды и т. д. и т. п.

За годы народ привык не выбрасывать смешанный мусор, а предварительно расфасовывать по разным мешкам.

Особенно это строго в Германии, ну, я думаю, что это в силу их национальной чистоплотности и аккуратности.

Герой моего рассказа живет в Монте-Карло в таком же доме, как и наш, обеспечен, дети взрослые, жена давно от него ушла, несмотря на то, что он говорит на нескольких языках и весьма начитан.

При первом же нашем разговоре он с радостью сообщил, что как раз сегодня нашел целый клад в одном из мусорных контейнеров, как он его назвал «голубом» (это контейнеры, куда бросают бумагу, книги и разную старую, а иногда и новую, но почему-то уже ненужную бывшему хозяину технику).

В Монако такое возможно. Вышла новая версия компьютера, и хозяин не задумываясь выкидывает старый и покупает новый. Снобизм здесь толкает людей на многие необдуманные поступки. Пардон, но это уже тема другого рассказа.

Так вот наш знакомый Жерар к этой категории не относится. Он практически весь год ходит в одном и том же, носков не носит, газет и книг не покупает, компьютера дома не имеет, хотя по профессии он специалист по информатике довольно высокого класса. Газеты и книги он находит на мусорке, а компьютером пользуется в муниципальной бесплатной библиотеке.

Радость Жерара от найденного клада светилась в его глазах и отражалась в нервном подрагивании плеч. Оказывается, он нашел электронный переводчик с шести языков, правда, машинка не работала, но он не терял надежды, что полломка устранима.

Тут меня как осенило: контейнеры-то закрытые. У них есть приемное окно, но заглядывать внутрь, а тем более что-нибудь оттуда вытащить практически невозможно.

Я спросил об этом Жерара. И он, как мне показалось, с нетерпением ждал этого вопроса. Лицо его превратилось в хитрющую маску, и он, причмокивая от удовольствия, достал из бездонного кармана своих всепогодных штанов кожаный бумажник. Оттуда он достал две железки. Одна — сантиметров двадцать узкая полоса металла, а другая из меди в виде какого-то хитрого ключа с треугольным входным отверстием.

Радость в глазах Жерара достигла апогея, и он начал мне объяснять, что он изучил и теперь точно знает две конструкции замков на мусорных контейнерах.

Оказывается, он долго сторожил городскую службу по обслуживанию мусорных контейнеров, и когда дождался, что приехавший техник открыл крышку контейнера и стал выгружать содержимое, то Жерар с наивным видом подошел к открытой крышке и быстро уловил секрет защелки. Не удивительно, инженер с большим стажем.

Уже дома он придумал и изготовил отмычки и стал действительно королем всех мусорных контейнеров. Все, что он находит, — чинит, приводит в порядок и раздает, оставляя себе лишь только наиболее оригинальные находки.

Надо сознаться, что пубелизм, как и клептомания или пиромания, — это болезнь. Но в отличие, например, от клептомании, когда человек тащит чью-то вещь, хотя она ему и не нужна, пубелист тащит то, что уже никому не нужно, и порой, приведя ее в порядок, дает ей вторую жизнь.

Молчи, моя грусть, молчи

Эту ночь почти не спал. Все ворочался с боку на бок. Какая-то полудрема. Давит на глаза, а отключиться не дает. Время от времени смотрю на циферблат электронных часов, но время как остановилось. До утра далеко.

Сквозь дрему кажется мне, что жизнь моя, как глиняный сосуд, наполненный Господом при моем рождении различными жидкостями, которые, не смешиваясь, булькают внутри.

Здесь и любовь, и ненависть, смелость и трусость, щедрость и жадность, хитрость и глупость, ну, в общем, все, что необходимо в этой жизни.

С годами сосуд прохудился, не треснул, не сломался, а просто по истечении времени стенки его истончились и некоторая жидкость просачивается сквозь них, выбрасывая энергию. В науке этот эффект называется эндосмос.

И только две жидкости, противоположного качественного значения, но одинаково вязкие, не уменьшаются с годами.

Страшная это штука — жалость к самому себе. Она и рождает недовольство жизнью, страх перед болезнями и смертью, претензии к окружающим и ненависть к себе самому. Ей нельзя поддаваться. Она хуже топкого болота. Затянет — не вылезешь. Но жалость к себе можно все-таки победить.

А вот грусть побороть нельзя. Ее только можно попросить молчать.

Молчи, моя грусть, молчи — пришли на ум чьи-то слова.

Порой бывает очень трудно уговорить ее молчать, когда вокруг реальная жизнь и ты не деревянный.

Сообщили, что внук в наследство от отца получил астму, — молчи, моя грусть, молчи.

Узнал, что дочь во время беременности, чтобы обезопасить ребенка, сделала вакцину и подхватила редкую болезнь, — молчи, моя грусть, молчи.

Доктор сказал, что у жены неизлечимая болезнь, — молчи, моя грусть, молчи.

Дети заявили, что навсегда уезжают за океан, а ты боишься летать самолетом, — молчи, моя грусть, молчи.

Отец в девяносто три года получает пенсию в восемь долларов в месяц после семидесяти пяти лет работы зубным врачом и каждый месяц ждет, что ты ему пришлешь немного денег, а твои возможности становятся все меньше, — молчи, моя грусть, молчи.

Хочется сломать телевизор и сжечь все газеты, которые кликушествуют, что через пятьдесят лет на Земле наступит ледниковый период и что люди будут вырывать друг у друга кусок хлеба, — молчи, моя грусть, молчи.

Тебя выбрасывают с работы на улицу без выходного пособия только потому, что ты заступаешься за детей, которые в свою очередь пишут на тебя доносы, чтобы заслужить похвалу монстра и кусок хлеба, — молчи, моя грусть, молчи.

Да, молчи, моя грусть, молчи. Ты не имеешь права быть представленной окружающим. Это их расстроит.

У тебя только одна маленькая лазейка — отражаться в печальных глазах старого человека, да и то только в одиночестве и в темноте.

Да здравствует молчаливая моя грусть, только она единственная способна вырвать меня из склизких лап жалости к самому себе.

Вилла «На краю света»

Когда едешь из Монако в Ниццу по нижней дороге вдоль берега моря, то после одного из многочисленных туннелей находишь поворот направо к подножию высокой и голой скалы. Здесь конец асфальтированной дороги упирается в металлические, автоматически открывающиеся ворота. Справа на каменной тумбе, на керамической табличке красуется название виллы «На краю света». Вилла принадлежит очень богатой женщине, которая знаменита своей борьбой в защиту животных. Это не Бриджит Бардо, но она не менее знаменита.

Чуть ниже керамической таблички с названием виллы еще одна табличка, написанная красным цветом, чтобы привлечь внимание посетителей. Табличка просит, чтобы на территории виллы автомашины рулили медленно и с большой осторожностью, так как животные на свободе. И как мне рассказали еще до посещения виллы, в вольере около сорока собак, как утверждают средства информации, подобранные на улице, и около двадцати кошек того же происхождения.

Как-то по случаю какого-то не то праздника, не то собрания защитников животных я попал на эту виллу в качестве шофера.

Мы заехали на территорию и почти тут же оказались на паркинге. Вокруг дома уже выстроились роскошные лимузины, около которых толпились шоферы в фирменных тужур-

ках и каскетках. Из открытых шоферами дверей вылезали дамы, бриллианты которых не оставляли сомнения, что здесь собрался весь цвет местного общества, а так как дело происходило в марте и было достаточно прохладно, то многие дамы были в роскошных натуральных меховых манто. В основном норковых, разных цветов и оттенков.

Все прибывшие были встречены радушно хозяйкой, которая, еле передвигая больными ногами и опираясь на палку, приветствовала гостей почему-то на английском.

Я пожалел, что у меня не было каскетки, так хотелось встать навытяжку и взять под козырек.

Наконец все гости перешли в дом и спустились на крытую веранду с замечательным видом на море. По периметру стояли удобные кресла.

Я, как и другие шоферы, остался около машины, думая, что теперь они станут знакомиться друг с другом и травить байки. Да не тут-то было. Все быстренько расселись по машинам и плотно закрыли окна.

Сразу сообразив в чем дело, я также быстро залез в машину и включил музыку.

Чуть выше паркинга стояли вольеры для животных, и оттуда доносился дикий многоголосый вой. Некоторые собаки бродили без намордников по двору. А в целом от собачьего и кошачьего вольеров исходила невероятная вонь.

Так прошло часа полтора. Я уже засиделся и загрустил, как увидел молодого, спортивного вида мужчину с большой красивой овчаркой на поводке. Я решил, невзирая на запах, размять ноги и поговорить с мужиком. Он показался мне весьма улыбчивым и многословным.

Оказалось, что это охранник виллы, и овчарка его собственная собака, с которой они работают уже давно. Я поинте-

ресовался его отношениями с хозяевами. На это он сообщил, что в доме живет только хозяйка, а остальные — прислуга. Он мне также шепотом сообщил, что, как ему кажется, хозяйка ненавидит животных, но, мол, принято в ее среде демонстрировать демократичность, человечность и любовь к окружающим. Он, мол, думает, что это еще очень выгодно и со стороны налогообложения. Итак, я узнал, что охранник в целом доволен своим положением, платят, мол, не много, но зато есть каморка, где он живет со своим псом бесплатно. И что псу тоже здесь интересно жить среди своих соплеменников. У него тут настоящее собачье общество, и он здесь как минимум титулованная особа.

Я пожелал мужику дальнейших успехов и забрался обратно в машину. Мне потом долго еще казалось, что от меня несет псиной.

Вскоре заседание защитников животных закончилось, и наши дамы, как видно немного подшофе, стали выходить из дома. Женщина, которую я привез, наспех попрощавшись со всеми, забралась в машину, и мы поехали. Моя пассажирка была чем-то недовольна. У нас были хорошие отношения, и я позволил себе спросить ее, как прошло собрание.

На что она неожиданно для меня выругалась на французский манер:

— А, мерд (говно), только время потеряла, и под конец пришлось дать чек в пользу несчастных животных. Каждый раз проблема. Дашь мало — будут осуждать, а дать много рука не поднимается. Ну их к черту. Больше не приду.

Месяцев через девять после визита на виллу «На краю света» я, проезжая мимо рынка, увидел у дверей бара моего знакомого охранника. Я остановил машину и посадил мужика.

— Тебе куда? — спросил я его.

— Если ты в сторону Монако по нижней дороге, то я выйду у туннеля.

— Ну, как жизнь?

— Хреново, — начал он рассказывать, — хозяйка заказала какую-то суперновую лежанку для собачки и поручила мне ее собрать и установить. А так как она почти все время говорит по-английски, а я не очень силен в этом языке, то, видимо, я не все понял и что-то не так сделал. На следующий день хозяйка вызвала управляющего, и меня вышвырнули на улицу без выходного пособия. Я было сунулся качать права, так мне сказали, что единственная возможность оправдаться — это суд, а для этого надо брать адвоката и платить. Ну, в общем, я оказался на улице. Хорошо хоть нашлась добрая душа, женщина, с которой я последние годы не прерывал связи, согласилась меня взять к себе, но с условием, что мой пес будет жить за порогом. Ну что делать, не идти же вместе с псом в бомжи. А пес мой вскорости и подох. Старый был, да и, лишившись своего общества, заскучал, перестал есть и умер, — закончил он свой печальный рассказ.

Тут мы подъехали к большому туннелю, и мужик попросил меня остановиться. Он попрощался и вышел.

Ехал я дальше возбужденный, да так, что на выезде из туннеля чуть не поехал на красный свет. Тут я совсем потерял контроль над собой, открыл окно и стал орать на почти пустое шоссе:

— Ах вы, сучье отродье, так ведь это благодаря вашей лживости и фарисейству мы уже стоим на краю света!

И я в сердцах вспомнил их, наверное, ни в чем не виноватых мам.

Слон

С некоторых пор моя младшая дочь увлеклась рисованием. У нее не было большого таланта живописца, и все же свое видение света и красок позволяло ей создавать небольшие, но яркие и радующие глаз полотна.

С годами и появлением детей эта страсть то затухала, то вспыхивала вновь, добавляя какие-то новые грани. Главное, что настрою оставался оптимистичным.

Однажды, проходя в Монако мимо витрины художественного салона, дочь моя обратила внимание на яркое табло, сделанное в ее стиле.

— Ого! — подумала моя дочь. — У меня, оказывается, есть стиль, и я в нем не одинока.

В тот день она спешила с дочерью в музыкальную школу и поэтому решила зайти в следующий раз и посмотреть имя автора.

Прошло несколько дней, а дочь никак не могла выбрать время и пойти в этот салон, хотя мысль о том, что кто-то, видит краски этого мира подобно ей, вызывала в ней теплую волну.

Ну вот наконец, освободившись от дел, моя дочь вошла в дверь салона, и ей в глаза бросились еще несколько табло, сделанных в том же стиле.

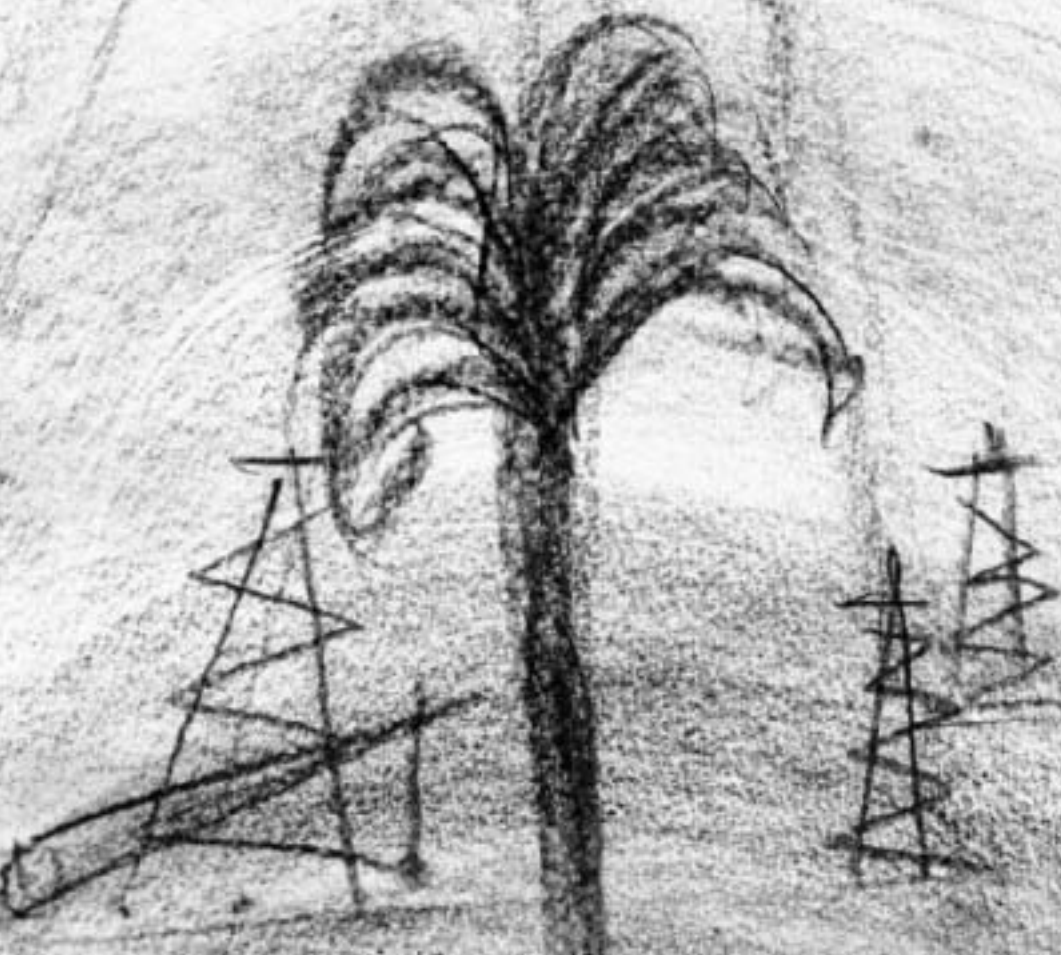
Решив разобраться, а кто же автор этих полотен, она подошла поближе к экспозиции и увидела...

На табличке, приколотой к картине, было написано, что автор этих полотен... СЛОН. И тут же фото, где слон кисть держит в хоботе!!!

Поди теперь не верь, что мы все, живущие на этой планете, имеем общую вселенскую сущность.

Монако, 01.06.2007

Мосты для
Бакинцев

За матерей

Аптека открывалась в девять. И мы с нетерпением ждали, когда к двери, как мы не раз уже видели, подойдет женщина в белом халате и, с шумом отодвинув засов, откроет ее.

Мы — это я, девятилетний, и мои младшие сестра и брат.

И хотя у дверей аптеки, кроме нас троих, никого не было, мы радовались, что пришли первыми.

В руке у меня был зажат мешочек, в котором звенела мелочь, ровно девять рублей, как сейчас говорят, «старыми деньгами».

Именно столько стоил флакон одеколона «Эллада», который мы после долгих поисков выбрали маме на день рождения. Кстати, мамин день рождения — восьмого марта, и этот день празднует вся страна как женский праздник. Деньги на подарок мы собирали, как нам казалось, тайком, но теперь я уж точно знаю, что в курсе нашей тайны была не только мама, но и весь наш шумный двор.

Дворов, таких как наш, в те годы в Баку было много. Принадлежащие частным лицам, они были застроены одноэтажными жилищами, в основном состоящими из одной комнаты и кухни. Жилища эти сдавались внаем, принося, видимо, неплохой доход владельцам, так как самым уважаемым человеком для наших хозяев был финансовый инспектор,

который приходил регулярно, пугая детей своим большим, плоским, с двумя замками спереди, портфелем, и уходил всегда довольный после непродолжительной беседы с хозяйками за закрытой дверью.

В нашем дворе жило пять семей.

В самом дальнем углу двора жила старая еврейка с дочерью и внуком. Дочь ее была портнихой и обшивала весь двор.

Рядом жили хозяйка двора. Муж, жена и двое детей. Они, как и все, занимали одну комнату и кухню.

Дальше жил двоюродный брат хозяйки и его молодая жена. Пару эту называли Пат и Паташон, как известных в те годы французских комиков. Жена, молодая деревенская азербайджанка, была богатырем от природы. Высокий рост и широкие плечи ее никак не гармонировали с тщедушной фигурой мужа, постоянно курившего к тому же анашу, а от нее, как известно, человек сильно сохнет. Но несмотря на разницу в физических данных, муж частенько бил жену, таким образом желая показать соседям свое преимущество. А она от этих побоев, которые не могли, конечно, причинить ей вреда, начинала истошно кричать и, выбегая во двор, искала защиты у соседей, таким образом подтверждая преимущество мужа. После этого сразу воцарялся мир.

Немного обособленным в нашем дворе было небольшое двухэтажное строение с деревянной лестницей, из-под которой рос могучий виноград, закрывавший своей кроной весь двор от палящего летнего солнца. Для этого над двором была сколочена клетка, и виноградная лоза лежала на ней, как большая змея.

На первом этаже этого строения жила бездетная армянская семья. Артюша, так звали мужа, был гордостью мальчишек нашей улицы. Прошедший войну и работавший токарем на машиностроительном заводе, он по вечерам демонстри-

рвал свою силу, поднимая двухпудовые гири и подражая в движениях модному в те годы силачу Григорию Новаку. А так как улица наша была всего в пятнадцать домов, то эти представления часто устраивались для ребят всей улицы.

Наша семья снимала квартиру на втором этаже. Лестница, ведущая к нам, заканчивалась открытой верандой. Продолжением открытой веранды была веранда застекленная, которая служила и прихожей, и кухней. Завершалась квартира большой светлой комнатой с высоким деревянным потолком. В центре комнаты стоял круглый стол и четыре мягких стула, лучшего в те годы рижского производства. В одном из углов возвышался трехстворчатый шкаф с большим зеркалом на двери, а вплотную к нему была придвинута двуспальная кровать с упругой, к нашей, детей, радости, металлической сеткой, которую мы использовали как цирковую арену. А четыре никелированных шара на спинках кровати заменяли нам кривые зеркала комнаты смеха.

В противоположном от шкафа углу стоял топчан, покрытый старым ковром. На топчане спала моя сестра, рядом в деревянной кровати спал мой брат, а я, как старший в семье, спал на полу на шерстяном матрасе. Если ко всему сказанному добавить, что водопроводный кран и туалет находились во дворе, а ванная комната и вовсе отсутствовала, то теперь, видимо, будет трудно понять, каким это образом наш двор жил большой и дружной семьей. А когда приходила весна, весь наш двор, отдавая дань вековым традициям, праздновал и Навруз-байрам, и Пасху, угощая друг друга то пахлавой, то куличом, то мацой.

Решив собрать деньги на подарок тайком, мы оказались перед трудной задачей. В нашей приходной части были только

деньги, которые давали мне и сестре на завтрак в школе. Но их не всегда удавалось сохранить, так как уж очень соблазнительными были слоеные булочки в школьном буфете. Наконец мы с сестрой договорились покупать одну булку на двоих. Наши долгие и мучительные подсчеты на «военных советах» под лестницей не давали утешительных результатов. Денег явно не хватало. Теперь необходимо сказать несколько слов о нашем младшем брате, который в этой истории в конечном итоге сыграл основную роль.

Брат мой в свои пять лет был на удивление аккуратным, но в то же время страшно упрямым мальчиком.

Всем было известно, что, перед тем как лечь спать, он аккуратно проверял, заперта ли дверь, потушена ли керосиновая печь, на которой готовили обед и которая одновременно обогревала комнату, складывал у кровати свою одежду и только после этого каждому в отдельности желал спокойной ночи, причем от каждого обязательно требовал ответа.

К телефону он всегда подбегал первым и настойчиво допрашивал звонившего, как его зовут, и, только узнав, кто это, передавал трубку родителям. А так как он был младшим в семье, конечно, его баловали все.

Была у нашего брата еще одна страсть. По нашей улице часто возили свежую осетрину на маленькой тележке, запряженной осликом. Продавец громко кричал на всю улицу, зывая покупателей. Так вот этот ослик был страстью моего брата. Он требовал у родителей купить ему такого же, так как он скоро собирается ходить в школу. Долгие уговоры родителей не давали результатов. Как только на улице появлялся продавец осетрины, так у нас дома начинались мольбы о покупке осла.

Наконец отец принял Соломоново решение и купил брату маленького цыпленка. Это был такой симпатичный желтый крошка, что брат сразу забыл про ослика. Вечером перед сном брат в силу своей аккуратности решил устроить домик цыпленку и не нашел ничего лучшего, чем положить его под перевернутое железное корыто, в котором стирают белье. Как на грех недавно в доме выводили клопов, и средство от клопов положили под это же корыто.

То-то было крику и слез, когда на следующее утро цыпленок был обнаружен мертвым. Странно, клопы остались, а цыпленок подох.

Был такой крик, что отец срочно откуда-то достал кролика. Это был маленький домашний кролик с красными глазами. Брат, приобретший некоторый опыт с цыпленком, сразу же принялся готовить безопасный ночлег для кролика. Он набросал виноградных листьев в картонную коробку и сунул ее вместе с кроликом под кровать. Но история содержания животных в нашем доме опять приняла неожиданный оборот.

За ночь кролик обгрыз мамины любимые босоножки. А она за них после долгого ожидания в очереди у известного в городе сапожника-армянина заплатила целых девятьсот рублей.

Итак, участь кролика была решена. В тот же день к нам в гости пришла мамина племянница. Она жила у маминой сестры, так как приехала в Баку учиться в медицинском институте.

Видимо, заранее предупрежденная мамой, она сразу спросила про кролика. А когда мы ей рассказали, как все было, она внимательно осмотрела кролика и сказала, что

он, наверное заболел, обьевшись босоножкой, и что его надо обязательно показать врачу.

Уходя, мамина племянница забрала кролика, сказав, что, если болезнь окажется не заразной, она его вернет.

Прошло несколько дней. Мы с сестрой были заняты сбором денег, а брат вновь стал канючить у родителей ослика.

Тут у нас вновь появилась мамина племянница. Собрав нас у тахты, она торжественно объявила, что профессор, которому она показала кролика, просил передать, что мы теперь большие помощники науки, и поэтому он награждает нас пятью рублями. Вынув из кармана пять рублевых бумажек, она вручила их брату.

Мы стояли обалдевшие. С одной стороны, нам было жаль нашего кролика, а с другой стороны, это была именно та сумма, которой нам не хватало на подарок.

Наконец девять часов пробило на башне городского Совета. Женщина в белом халате медленно, словно нехотя, открыла дверь, и мы буквально ворвались в светлый зал аптеки. Бросив последний взгляд на прилавок, на витрине которого лежал наш заветный флакон, мы понесли деньги в кассу и очень сильно волновались, пока кассирша их считала.

Продавщицу, которая отпускала товар, мы попросили вернуть наш подарок в красивую бумагу, но в ответ получили, что здесь не магазин и красивой бумаги не держат. Но, видя наше невероятное волнение, она все-таки постаралась выбрать наиболее белый лист бумаги и красиво вернуть наш подарок. Наконец получив на руки столь долгожданный пакетик, мы помчались домой.

Взбежав по лестнице на веранду и ворвавшись в комнату, мы бросились наперебой поздравлять маму и тут обнаружили, что у нас гость. Это была наша любимая тетя, мамина сестра. У нашей мамы было три сестры и четыре брата. В общем, большая семья, часть которой жила в деревнях. И главное то, что все родственники, приезжавшие в город, останавливались именно у этой тети, хотя из всех братьев и сестер она была наименее обеспечена, а семья у них была большая — четверо детей и муж, удивительно тихий человек, проработавший всю жизнь преподавателем химии и биологии в школе для неполноценных детей в одной из окрестных деревень, в полутора часах езды от города. Да и мы по воскресеньям любили ходить к тетке и проводили там целый день. А еще тетя замечательно готовила долму с бараньим курдюком...

Почти одновременно обнаружив, что тетя у нас, мы растерялись, не знали, что делать. Ведь сегодня восьмое марта, женский день, а подарок был один. Выход, как всегда, нашла мама. Она подтолкнула нас к тете и сказала, чтобы мы ее поздравили. Мы подошли, поздравили и вручили тете подарок. Не скажу, что нам было жалко дарить тете этот флакон одеколona, но мы так долго готовились к этому дню, а все произошло так неожиданно, что мы чуть-чуть не расплакались. А тетя сделала вид, что ничего не замечает, раскрыла подарок и очень нас хвалила.

Вскоре тетя собралась уходить, и мы, как всегда, пошли ее провожать. Выйдя за ворота, тетя остановилась, подождала нас поближе, достала из недр базарного зимбиля* сверток и сказала:

* Большая соломенная сумка.

— Я специально приходила поздравить вашу маму с днем рождения, но теперь это сделаете вы.

Отдала мне сверток и ушла. Долго мы смотрели вслед нашей тете, не шелохнувшись, а потом побежали домой и, поздравив маму, наконец вручили ей подарок.

Когда мама развернула сверток, мы ахнули. В руках у нее была красная круглая коробка с Кремлем и желтой кисточкой. Это были очень дорогие по тем временам и любимые мамины духи «Красная Москва».

За любовь

Стояло прекрасное весеннее утро. Было слышно, как за открытыми настежь окнами шумят высокие и стройные чинары и галдят, словно шумный восточный базар, стаи грачей.

Нехотя поднявшись с постели, Джамал столкнулся в прихожей с женой, лицо которой не оставляло сомнений в ее намерениях. Джамал подумал было: «Сейчас начнется», — как жена стала кричать:

— Неужели нельзя было выбросить мусор? Бесстыдство какое!

Джамал хотел возразить, что когда вчера ушли гости, было очень поздно, но вставить хотя бы слово не было возможно-сти. Умай продолжала кричать:

— Подумаешь, какая персона! Всю жизнь убирал, а теперь не будет. Еще как будешь!

— Не буду, — успел все-таки вставить Джамал.

— Ах, не будешь, тогда ищи себе другую домработницу.

— И найду! — прокричал в ответ Джамал и выскочил прямо в пижаме и тапочках за дверь, решив на этот раз проучить жену.

Вызвав лифт, Джамал вошел в тускло освещенную кабину и, нажав на кнопку, поехал вниз. Вдруг лифт как-то вздрогнул и остановился. Свет погас. В кабине стало совсем темно, и только в узкую щель дверей был виден бетонный пролет между этажами.

— Ну вот очень хорошо, что застрял, — подумал Джамал, — не буду звать лифтера, просижу тут до вечера, пусть поищет.

А Умай в это время стояла в дверях кухни и повторяла:

— Вот и хорошо, что ушел. Вот и хорошо, что ушел... Ушел? Куда ушел? Я его знаю. Ему только волю дай, — заволновалась Умай и бросилась к телефону.

— Мама, ты знаешь, Джамал ушел, — выпалила Умай в трубку, услышав голос матери.

— Как ушел? Куда?

— Совсем ушел. Хлопнул дверью и ушел.

— Ну и что? Как ушел, так и вернется, — успокоила ее мать, привыкшая за годы замужества единственной дочери разбирать ее семейные дела.

— Тебе хорошо так говорить. Вот уйдет он, и останусь я совсем одна. Кому нужна бесплодная жена?

— Перестань плакать. Я скоро вернусь с дежурства, — с некоторой тревогой в голосе ответила мать и положила трубку.

Последних слов матери Умай уже не слышала. Она очень горько и тихо плакала, прижав к лицу телефонную трубку.

Перед глазами Умай пронеслись картины первого знакомства с Джамалом.

В тот день в широком фойе Политехнического института были развешаны рисунки студентов архитектурного факультета, и Умай, разглядывая их, с радостью узнавала родные места своего города.

Вдруг за ее спиной раздался голос:

— Девушка, а вы на каком курсе? Не сходить ли нам после занятий в киношку?

Обернувшись, Умай обнаружила перед собой невысокого парня, улыбающегося и самодовольно покручивающего

на вытянутом пальце связку ключей, видимо от папиной машины.

Умай собралась было резко ответить парню, но его внимание было чем-то отвлечено. Посмотрев в ту же сторону, Умай обнаружила, что Джамал, вечный заводила всех мероприятий в институте, делает парню угрожающие знаки.

— Предупреждать надо, — пробурчал парень и бросился догонять высокую блондинку со второго курса, собираясь, видимо, ее околдовывать своей улыбкой и ключами.

Умай не очень понравилось такое покровительство незнакомому парня, но ее рассмешили маневры неудачливого дон-жуана, и, наблюдая за ним, она не заметила, как к ней подошел ее защитник.

— Простите, что я вмешался, но мне показалось, что этот...

— И вам, конечно, теперь кажется, что в кино я пойду именно с вами, — перебила его Умай.

— Нет, ну что вы, — растерялся Джамал, — мне... меня просто... меня зовут Джамал.

— А меня Джульетта, — продолжая взятый тон, сказала Умай, хотя уже чувствовала, что напрасно.

— Нет, Вас зовут Умай, и это очень старинное и красивое имя, — ответил Джамал и, расстроенный, отошел.

Через несколько дней к Умай вновь подошел в институте парень с ключами и, стараясь не смотреть на Умай, сказал, что у Джамала умерла мать и в четыре будут похороны. Узнав у парня адрес, Умай бросилась к автобусной остановке.

Джамала она увидела издалека. Обычно подтянутый и даже чуть задиристый, он стоял у ворот почерневшего от старости и городской копоти дома, небритый, сутулый и, едва сдерживая слезы, принимал соболезнования.

Пришедших на похороны было немного. В основном это были, видимо, соседи и институтские товарищи Джамала.

Когда выносили табут* с телом матери, Джамал не держал и заплакал.

Что-то больно кольнуло в груди Умай. Она вдруг почувствовала в себе такую решимость и силу помочь, защитить Джамала, что, невзирая на все условности, подошла и взяла его под руку. Она почувствовала, как он вздрогнул и, вдруг увидев ее рядом с собой, как-то выпрямился. Глаза его, еще мокрые от слез, смотрели на нее с такой благодарностью. Это была их встреча с настоящей любовью.

Умай как будто спала, и ее разбудили короткие гудки в телефоне, прижатом к уху. Она встрепенулась и, оторвав наконец трубку от лица, бросилась к двери.

Джамал же тем временем полудремал, сидя на полу темного лифта. Перед его глазами проплывали последние годы супружеской жизни.

Частые ссоры у них начались после происшедшего с Умай несчастного случая. На шестом месяце беременности она, спускаясь по лестнице, споткнулась и упала. Очнувшись она в больнице и, поняв, что с ней случилось непоправимое, начала рыдать. Врачи сказали, что у нее случился сильный шок.

Выписавшись из больницы, Умай по рекомендациям врачей начала активно лечиться, но время шло, а результатов не было.

Наконец врачи, потеряв всякую надежду, объявили окончательный приговор:

— Детей у вас не будет!

С тех пор Джамал со страхом ожидал прихода весны — поры, когда с Умай особенно часто происходили нервные

* Носилки, на которых несут покойника на мусульманское кладбище.

срывы. И наверное, если бы не умение и такт матери Умай, они бы давно развелись.

Джамал даже стал домоседом, потому как если они ходили в гости и Умай видела бегущих по дому детей, то эту ночь они уже не спали. Умай плакала, а Джамал успокаивал. Джамал и сам хотел иметь дочку или сына, но что поделаешь...

Часто Джамал вспоминал день похорон матери. Умирая, мать с тоской смотрела на сына и повторяла:

— Как жаль, что я не успела тебя женить. Тогда и умирать было бы легче.

И когда потом на похоронах к нему подошла Умай и взяла его под руку, ему так захотелось, чтобы это увидела его мама.

В последние годы Джамал серьезно стал подумывать взять ребенка на воспитание, но не знал, как подступиться к Умай с подобным предложением. Несмотря на ссоры и все обиды, он любил ее и боялся обидеть.

— Как я мог оставить ее одну в таком состоянии. Ведь она, наверное, с ума сходит, — встрепенулся наконец от дремоты Джамал и, вскочив на ноги, начал колотить в дверь лифта и кричать, чтобы его выпустили к Умай.

— Я здесь, дорогой, я с тобой, — вдруг услышал Джамал голос Умай, которая в это время выбежала на лестничную клетку и, услышав из лифта голос мужа, бросилась к нему на выручку.

— Я люблю тебя, — кричал Джамал из лифта, — и я знаю, что сделаю, когда выберусь отсюда.

— Хорошо, хорошо, — решительно ответила ему Умай, — он у нас вырастет настоящим мужчиной.

За жизнь

Росли эти цветы в горшках, подвешенных к стене балкона на третьем этаже, но были подобраны с таким искусством по форме и цвету, что казались цветками одного растения, уходящего корнями в стену.

Вот уже несколько лет я по пути на работу, проходя мимо этого дома, мысленно здороваюсь с этими цветами, получая заряд положительной энергии.

Идешь иногда на работу понурый, нет сил поднять голову, пересидел накануне с друзьями, а увидишь эти цветы, которые, несмотря на дождь, сумасшедший бакинский ветер хазри или чересчур обильное солнце, всегда держат высоко свои цветочные головки, — и становится неудобно за свою человеческую голову. И это как-то подтягивает.

Сегодня у меня с самого утра прекрасное настроение, светит солнце. Подняв голову, чтобы, как обычно, поздороваться с цветами, я вдруг обнаружил, что с ними что-то произошло. Не то чтобы они завяли, но в них не было прежней жизни.

Весь день на работе я то и дело вспоминал о цветах, а возникающую тревогу относил на счет весны.

Обратно с работы я почти бежал. Увидав цветы, я окончательно понял, что они погибают.

Что делать, я не знал.

На противоположном тротуаре, чуть сбоку от балкона стоял, опираясь на палку, старичок, который, как мне показалось, тоже смотрел на этот балкон.

Не задумываясь, я бросился к старику и спросил его.

— А вы не знаете, что это с ними?

Задав вопрос, я только тогда засомневался, а ведь старик, может, вообще не туда смотрел, но его ответ не оставил сомнений.

— Они погибают, и надо что-то делать.

Вычислив по балконам и окнам, какой это этаж, я бросился через двор к подъезду. Взбежав на третий этаж, я оказался у единственной на этаже двери, на которой красовались увенчанные круглыми печатями белые полоски бумаги. Дверь была опечатана. Растерявшись, я спустился во двор и рассказал про дверь старику.

— А может, нам спросить в жилуправлении? Оно здесь же во дворе, — предложил старик.

Мы вошли в жилуправление и обратились к лысоватому мужчине, сидящему за большим письменным столом и ругавшемуся с кем-то по телефону.

— Простите, гражданин, — обратился к нему старик, после некоторой паузы понявший, что телефонный разговор не будет коротким. — Вы не знаете, что случилось с жильцами квартиры на третьем этаже?

Мужчина не ответил и весьма неодобрительно посмотрел в нашу сторону. Мы ждали. Наконец, закончив говорить по телефону, мужчина спросил:

— А в чем, собственно, дело? Вы что, родственники?

— Понимаете ли, — стал объяснять старик, — там со стороны улицы цветы на балконе, и они гибнут.

— Знаю, знаю, — перебил его мужчина, — дались вам эти цветы. Надоели. Что за двор — одни интеллигенты.

Последнее слово он произнес с особым пренебрежением, подчеркивая, что он к таковым не относится. Мы бы так и не узнали, что он подразумевает под словом «интеллигент», если бы не услышали следующее:

— Давайте лучше я вам анекдот расскажу. — И не ожидая нашего согласия начал рассказывать:

— Один людоед не мог заснуть ночью. Его разбуженная жена спросила:

— Почему не спишь?

— Мысли замучили, — ответил тот.

— Говорила тебе, не ешь на ночь интеллигента!

Камень был в наш огород, и рассказчик, довольный, хохотал несколько минут, а потом добавил:

— Жила в этой квартире народная артистка. Вот уже третий день как умерла, а так как наследников у нее не было, квартиру опечатали до решения исполкома. А в сутолоке похорон про цветы просто забыли.

— Как же так, — вспыхнул я, — ведь пока исполком решит, умрут и цветы.

— Ничего не могу сделать. В квартиру входить нельзя, — ответил мужчина и принялся накручивать диск телефона.

Вышли мы из жилуправления подавленные. Встали под балконом и не знали, что делать. Уйти домой мы не могли.

Вечерело. В лучах солнца, светила, дающего тепло всему на земле, мы увидели, как беспомощно и тоскливо склонили головы цветы. В отличие от своих полевых собратьев они нуждались еще и в тепле человеческих рук. Я с горечью подумал о том, как порой мы бываем беспомощны перед обстоятельствами, что не можем помочь даже друзьям.

Так, видимо, мы простояли бы долго, если вдруг не услышали окрик:

— А ну посторонись!

Мы отошли в сторону и увидели машину, на которой смонтирована люлька для ремонта уличных фонарей. В люльке стоял тот самый мужчина и командовал.

Когда люлька вплотную приблизилась к балкону, мужчина крикнул: «Стоп!» — и с риском для своей жизни, так как люлька сильно раскачивалась, перелез через перила и, зло хватая со стены горшки с цветами, стал швырять их на дно люльки.

От неожиданности старик застонал, стал плакать и, ударя себя по голове ладонью, стал причитать:

— Пепел на наши головы! Пепел на наши головы!

Что-то очень больно ударило меня в грудь. В глазах потемнело, и только причитания «Пепел на наши головы!» звучали, как из колодца. Впереди показалось светлое пятно, которое быстро расширялось.

За родину

*...и здесь мы слово «Родина»
впервые написали по слогам...*

Раньше жили мы на берегу Каспийского моря, в древнем городе Баку, удивляющем туристов своей когда-то неприступной стеной и Девичьей башней.

Современное свое развитие город получил в начале двадцатого века как столица нефти и благодаря Менделееву как родина нефтепереработки, что в свою очередь наложило на город неизгладимый отпечаток.

И хотя в наши дни берега бухты, вызвавшие у Максима Горького впечатление «прекрасно сделанной картины ада», украсились парками и бульварами расположенного амфитеатром города, то и теперь первое, что чувствуешь при въезде в город, — это запах нефтепереработки, настолько въевшийся в саму плоть города, что даже бешеный ветер хазри не способен его выветрить.

Конечно, наиболее известная панорама Апшеронского полуострова — это леса нефтяных вышек, которые целыми днями кланяются своим создателям, выдавая не очень много нефти, но зато удивительного качества.

И кажется, что не осталось больше клочка земли без вышек. Однако у самой кромки берега, как будто специально огороженные крутыми скалами, расположились дикие апшеронские пляжи, пристанища «диких туристов» и еще более диких браконьеров осетровых.

Именно эти пляжи с их удивительно тонким желтым песком и необычайно изумрудной прибрежной водой, полной морских водорослей и разной живности, снятся мне смолоду.

Как будто лежишь в летний знойный день на песке у затонувшего в нем, выброшенного на берег внезапно налетающим в этих местах штормом баркаса, закроешь глаза и слушаешь, как шумит море и шуршат бегущие по песку, сбитые ветром в шары засохшие кусты верблюжьей колючки. А солнце все жжет, ты весь горишь и знаешь, что надо в тень, а не можешь. Все лежишь и слушаешь. И кажется тебе, что и море, и колючки, и песок живые. Что они переговариваются между собой и тебя приглашают вступить в их вечную беседу.

Они даже соблазняют тебя, обещая рассказать много тайн о том, как Александр Македонский, построив Дербентскую крепость, ушел из этих мест, оставив большое войско, составленное из рабов многих народов. И как это войско растворилось в массе аборигенов, принеся им частичку своего народа; или о том, как орды Чингисхана, спустившиеся сюда из просторов Сибири, за три с лишним столетия добавили местной массе голубоглазых тюркских племен узкоглазие и крутые скулы; или о том, как волоокие и черноволосые воины ислама на арабских скакунах насаждали мечом и огнем мусульманскую веру и арабскую внешность, или о том, как большевики Одиннадцатой красной армии стирали здесь свои портки и клялись, что пришли на века, оставив после себя русые волосы и умение пить водку.

Но сон кончался, а реальность выталкивала меня вперед в водоворот жизни.

Так случилось, что теперь мы живем на берегу другого моря — Средиземного, в древнем княжестве Монако,

сумевшем в действительности сохранить свою крепость девственной.

Красивейшие лазурные бухты французской Ривьеры начинаются здесь от Ментона, небольшого городка на границе с Италией, где провел свои последние годы один из главных большевиков Анатолий Луначарский; и далее вдоль Монако, где по вечерам к морской лазури добавляются огни старейшего казино; и далее вдоль Английской набережной, как и Баку, расположившейся амфитеатром Ниццы, и далее вдоль самой старой на побережье римской крепости Антибы, и далее вдоль всемирно известных Канн, куда когда-то давно залетали киножуравли Татьяны Самойловой и Алексея Баталова, и наконец аж до Сан-Тропе, где жил один из самых любимых у советского зрителя французский актер Луи де Фюнес.

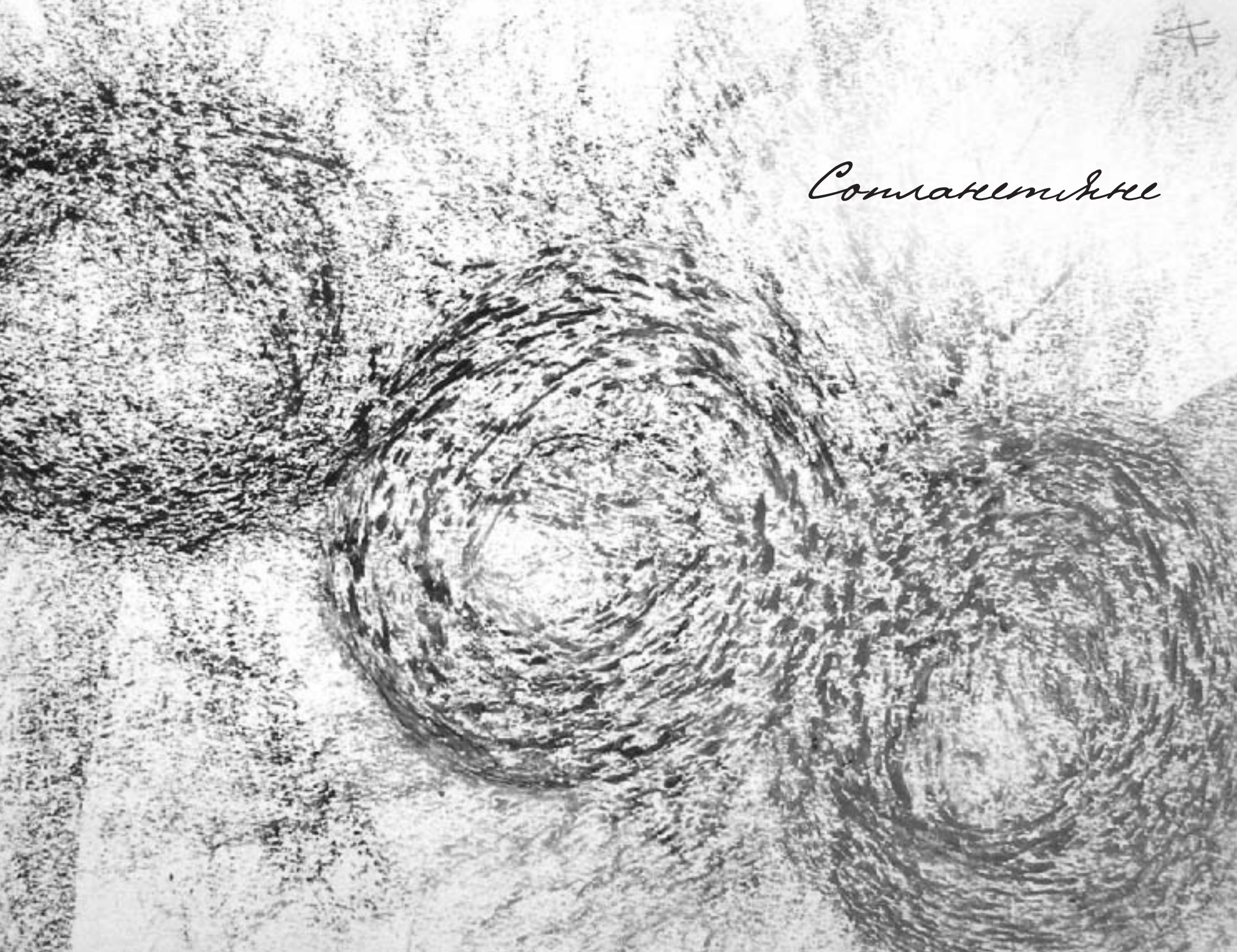
Здесь, в отличие от Апшерона, человеческая рука не разрушала, а веками создавала на голых альпийских скалах огромный сад, усыпанный красными черепичными крышами.

За десять лет жизни на Лазурном Берегу я вроде свыкся с местными красотами, но вот в жаркую пору здешнего лета по ночам, жаль только не часто, мне снится все тот же сон.

Опять я лежу на диком пляже. Солнце жжет все так же, а я лежу и слушаю, как переговариваются между собой море, песок и колючки, и мне очень хочется вступить с ними в беседу, чтобы узнать новости о моей далекой Родине.

Разве от себя убежишь?!

Соматотипы

Урок

Татулечке — моей младшей дочери

Еще с вечера, собрав рыболовные принадлежности в рюкзак, мы с младшей дочерью решили на следующий день рано утром идти через лес к дальнему пруду на рыбалку.

Не успели первые лучи солнца пробиться сквозь неплотно задвинутые шторы, как я услышал голос дочери:

— Мы что, не идем? Что, передумал?

И хотя мне и на самом деле не очень хотелось покидать свою постель, пришлось подниматься.

Умывшись и выпив горячего чаю с бутербродами, мы, стараясь не шуметь, захватив рюкзак, потихоньку вышли на улицу.

Лес, начинающийся буквально через дорогу от нашей одинцовской* четырнадцатипятиэтажной башни, стоял в утренней дымке. Народу на улице еще не было, и только один пожилой мужчина в красных трусах и кроссовках, загорелый и мускулистый, делал на траве разминку, готовясь, видимо, к многокилометровой пробежке.

Перейдя местную речушку по шаткому самодельному мостику, мы вошли в лес. Дорога до пруда была нам хорошо известна, и мы шли быстрым шагом, который сопровождался

неумолкающим воркованием моей дочери, комментирующей увиденное вокруг.

По дороге нам было необходимо подобрать удилище, и поэтому я на ходу, успевая отвечать на многочисленные вопросы дочери, подыскивал подходящую ветку. Наконец выбрав достаточно длинную и гибкую, я ножом срезал ее и, продолжая идти, стал очищать ветку от мелких листочков и веточек.

Тут я почувствовал, что не слышу голоса дочери, и мне это показалось странным. Оглянувшись, я обнаружил, что она копается в грязи.

— В чем дело? Что ты делаешь?

— Надо раненое место глиной замазать, чтобы дерево не умерло, — ответила мне дочь и, закончив лечить рану на дереве, догнала меня.

По тому, как она перестала щебетать, я понял, что она задумалась о чем-то, и не стал ее отвлекать. Так молча мы дошли до пруда.

— Вот возьми лопаточку и накопай червей, — поручил я дочери, хотя знал, что она не умеет этого делать. Сам же я принялся прилаживать купленные накануне в магазине леску с поплавком, крючком и грузилом к удилищу.

— Папа, смотри какой червяк! — позвала меня дочь.

— Очень хорошо, носи его мне.

— А я боюсь.

Я подошел к дочери и стал показывать, как надо выкапывать червей и собирать их в пустой спичечный коробок. Постепенно страх у дочери исчез, а появился спортивный азарт — набрать как можно больше.

Насадив, наконец, червя на крючок и обильно на него поплевав, я забросил удочку и стал ждать.

* Одинцово — пригород Москвы.

Шло время. Нам не везло. Рыба не клевала. Я стал ходить вокруг пруда в поисках более удачливого места. Пруд был небольшой и сильно заросший травой. Водились здесь, как рассказывали нам знакомые рыболовы, в основном бычки, а они, как известно, любят сидеть в самой гуще травы.

Но вот в один из очередных забросов поплавок вдруг резко нырнул и вынырнул. Я подсек и потянул удилице вверх и вбок, и из воды показался крупный бычок.

Увидав летающую в воздухе рыбку, дочь радостно прыгала и хлопала в ладоши. Я снял рыбку с крючка и, набрав воды в полиэтиленовый мешочек, выпустил ее туда. Рыбка сразу ожила и принялась бешено крутиться в необычайно узком для нее пространстве в поисках собратьев. Очень скоро поняв тщетность своих поисков, она успокоилась и замерла, и только ритмично раскрывающаяся пасть и удивленно выпученные глаза продолжали активно выражать недовольствие нынешним положением. Часа через два в мешочке уже было с десяток бычков разной величины, но одинаково недовольных.

Дома нам наказывали возвращаться к завтраку, и мы, не желая вызывать недовольство домашних, свернули удочку и двинулись обратно.

— Папа, а у нас остались черви, что с ними делать? — спросила дочь.

— Брось их в воду, — не задумываясь, ответил я.

— Нет, я их лучше выпущу, пусть гуляют, — ответила дочь и переложила клубочек червей из короба в ямку.

От самого порога дочь моя, громко комментируя, стала показывать нашу добычу.

Я попросил жену почистить рыбку и пожарить в масле, а сам пошел мыться в ванную.

Вытирая махровым полотенцем голову, я, уже выходя из ванной, почувствовал в квартире напряженное затишье.

Войдя на кухню, я обнаружил, что вся моя женская половина, а она составляет абсолютное большинство, собралось вокруг пакета.

— Что случилось? — спросил я настороженно.

— Как же их жарить, если они живые? — сквозь слезы бормотала дочь.

По лицам остальных я понял, что они с ней солидарны.

— Ну и хорошо, — облегченно вздохнув, ответил я, — отнеси их и выпусти в нашу речку, что рядом.

Дочь моя быстро оделась и, схватив полиэтиленовый мешочек с рыбками, под одобрительные возгласы всей семьи выбежала за дверь.

Троллейбусный билет

Моей старшей дочери

Вокруг стояло лето. Нарядная молодежь, вырвавшаяся на простор летних каникул, весело заполнила городские улицы.

На троллейбусной остановке выстроилась очередь. Медленно подкатывающие красно-желтые, похожие сзади на бегемотов, троллейбусы разевали свои пасти, чтобы выпустить наружу вспотевших и помятых в душных металлических чревах пассажиров и тут же заполнить освободившееся пространство очередной партией желающих побывать за копейки в сауне.

И хотя уже стояла по-настоящему летняя жара, а ритм городской жизни не сбрасывал напряжения, в очереди не было привычного раздражения, возникающего у ожидающих вечно запаздывающий городской транспорт.

И только один человек, старичок с авоськой в руке, стоял в стороне от очереди и что-то озабоченно искал на асфальте. Троллейбусы подходили и уходили. Очередь пополнялась все новыми рубашками, платьями и портфелями, а старик все стоял. Никто не обращал внимания на старого человека. В последние годы много на улицах наших городов таких стариков. Мы привыкли к тому, что наши деды и отцы редко соглашаются коротать свои дни за партией домино на бульваре. Мы, как само собою разумеющееся, передаем в их полное

ведение домашнее хозяйство и бюджет наших семей, в котором зачастую их пенсия играет не последнюю роль. Мы любим наших стариков, но, как ко многим благам, окружающим нас, привыкаем, иногда забывая, что именно их усилиями все имеем.

Старик, стоявший на остановке, судя по полной авоське, наверное, был таким же, чьим-то добрым и храбрым дедушкой.

Но в данный момент он был чем-то очень расстроен. Каждый раз, когда подъезжал очередной троллейбус, он как бы решался на что-то для него трудное и подходил к очереди. Его дружелюбно пропускали вперед. Но когда открывались двери и надо было войти в троллейбус, он почему-то растерянно оглядывался и топтался на месте, мешая другим пассажирам.

И как это обычно бывает, его начинали оттеснять от двери, и он оказывался вне очереди.

— Отец, почему не садишься? — наконец обратился к нему полный мужчина в летней шляпе и с большим черным портфелем.

Старик, как видно, обрадовавшись, что нашлась живая душа, которой можно рассказать о своей беде, подошел к нему и стал подробно рассказывать о том, как он был в магазине, где покупал продукты, и как он долго спорил с продавцом, пытавшимся подложить ему кость к говядине, и что, видимо, в магазине, а может еще где, потерял кошелек.

— Денег, правда, там было немного, одна мелочь, но на билет у меня теперь нету. Не могу же я на старости лет ездить зайцем, — закончил старик свой рассказ.

В это время подъехал троллейбус. Очередь оживилась и, слегка подталкивая друг друга, двинулась к двери.

Старик растерянно стоял.

— Да садись, отец. Ничего страшного, если проедешь пару остановок без билета, — крикнул ему мужчина в шляпе, уже поднимаясь в троллейбус, схватившись за поручень крепкой волосатой рукой.

— Нет, как же я без билета, — бормотал старик, никак не решавшийся переступить через имевшее для него силу закона «нельзя».

Из дверей и окон троллейбуса уже несколько голосов кричало ему:

— Садись, садись. Контролеры в такую жару не ходят. Садись, обойдется.

Но тут неожиданно из передней двери троллейбуса выскочила молоденькая девчушка в ситцевом сарафане, подбежала к старику и, выхватив из рук авоську, потащила за рукав к двери. Когда старик наконец взобрался на ступеньку, она передала авоську стоящему на подножке парню и как-то особенно строго посмотрела на него, что тот не решился возражать, хотя, может, и не собирался.

— Дедушка, вот вам мой билет, а я пойду пешком, — успела только произнести девушка, сунув билет в руку окончательно растерявшегося старика, как дверь с шумом захлопнулась и троллейбус весело, словно радуясь, двинулся дальше.

А вокруг стояло лето. Нарядная молодежь все так же заполняла городские улицы веселыми нотками хорошего настроения.

Человеческие судьбы

Так повелось, что мы в молодости называли друг друга не по имени, а по фамилиям.

«А, Ахмедов, привет!», «Как дела, Фишер, что нового от Арутюнова?» — и так далее и тому подобное.

Прошло много лет, а мы продолжаем звать друг друга по фамилиям, хотя встречаемся редко, годами общаемся только по телефону. И это не удивительно, ведь Ахмедов теперь живет во Франции, Фишер в Америке, Сафаров в России, а Арутюнов так и вообще за чертой досягаемости.

Известия о смерти моих друзей приходили в разное время, но трагичность их судеб настолько схожа, что говоря об одном, ты вроде говоришь и о другом.

Арутюнов родился в Баку в семье известного актера, считавшегося лидером степанакертского драматического русского театра.

Выросший в артистической семье Арутюнов-младший не стал актером, но обладал удивительной способностью рассказывать анекдоты. Все вокруг хохотали до упаду, а он с каменным лицом взирал на содеянное.

Женился Арутюнов рано на красавице Лилии и сразу стал налаживать семейный быт. Много сил потратил Арутюнов на всякие квартирные обмены, чтобы в конце концов заполучить

прекрасную квартиру в центре города, во дворе известного подарочного магазина. Кстати, соседом его оказался знаменитый и, может быть, для своего времени чересчур талантливый джазовый пианист, дочь которого теперь с успехом гастролирует по Европе, украсив отцовский талант пианиста потрясающим голосом.

Народил Арутюнов двух сыновей — Карешу и Гошу — и, проработав долгие годы в одном из солидных конструкторских бюро, начал собираться на пенсию.

Гром грянул, как всегда, неожиданно, среди ясного дня.

Власть, которая казалась вечной и нерушимой, развалилась в одночасье.

Откуда ни возьмись, появились люди и людишки, почувствовавшие возможность наживы. А лучшим средством достижения цели оказались межнациональные конфликты. Всем вдруг захотелось свободы, независимости, территориальной целостности и обязательно президентского правления.

Небольшой треугольник между Черным и Каспийским морями загорелся с разных углов.

Азербайджанцы и армяне, почти пятьсот лет прожившие в согласии под пятой старшего брата, вдруг оказались врагами.

Камнем преткновения стал Нагорный Карабах. Причем обе стороны, клятвенно ссылаясь на исторические справки, божились, что это их земля. Военный конфликт вспыхнул серьезно. Ну, а раз война началась, армяне выселили пятьсот тысяч азербайджанцев, веками живших в Армении, а азербайджанцы, в основном беженцы из Армении, бросились убивать армян в Сумгаите и Баку, а их тоже оказалось не менее пятисот тысяч.

В общем, чтобы поделить клочок гористой местности с населением около ста тысяч человек, под нож пустили более миллиона оседлых граждан.

Пришлось и Арутюнову бежать. Интересно, что все азербайджанцы из Армении бежали в Баку, а армяне из Азербайджана в основном в Москву и Ставрополье. Причем армяне, работавшие в высших партийных и советских органах, спокойно сдали свои квартиры местным властям, а взамен получили квартиры в Москве. Вот она, партийная солидарность!

Арутюнов был простым инженером, и ему никто ничего не дал. Вместе с женой и младшим сыном он снял маленькую квартиру в районе проспекта Мира.

Встретились мы с ним сразу после его приезда в Москву. Сели вдвоем за стол, достали бутылку и начали молча пить. Вопросов я не задавал, ждал, боялся его реакции. Напротив сидел человек, с которым мы провели много лет интересной и веселой жизни, но теперь в нем что-то изменилось.

Мы почти прикончили первую бутылку, как он вдруг начал орать: «Ты понимаешь, мать твою, что там осталась вся моя жизнь, все, что я смог накопить, горбятя на эту паршивую власть! Там остался мой дом! Веришь, думал даже, подложу бомбу и вместе с собой бабахну».

Он уронил голову на руки и стал рыдать. Пришла почти вся седая жена. Она сказала, что Арутюнов сильно ослабел, быстро пьянеет. Это он, который мог после трех бутылок на двоих плясать лезгинку. Лиля просила меня не обижаться и идти домой. Мол, Арутюнов сам завтра позвонит и все встанет на свои места.

Но завтра для него уже не наступило. На следующий день его разбил паралич, и через несколько дней он умер, не просыпаясь.

Лалаян, один из братьев жены моего брата, вырос на Баилово и имел репутацию человека, умевшего постоять за себя. В шестнадцать лет он, уже игравший довольно профессионально джаз на саксофоне, решил стать летчиком.

Получивший хорошую школьную подготовку (родители — Рафаэль Мирзоевич, народный судья, и Ольга Алексеевна, экономист, — за этим строго следили), Лалаян поступил в летную школу с первого раза и успешно ее закончил.

Работать Лалаян начал рано, сразу после окончания училища в бакинском авиаотряде. Начав летать на местных линиях, он в сравнительно короткое время благодаря упорству был рекомендован в командиры больших пассажирских самолетов.

Вскоре Лалаян получил квартиру в пригороде Баку и, оставив ее мебелью, стал подумывать о женитьбе, благо и невеста заждалась.

Крах наступил сразу. С началом армяно-азербайджанского конфликта Лалаян быстро оказался без работы. Бросив свою квартиру и захватив только самое необходимое, он вместе с женой вынужден был уехать из Баку.

Мыкался долго в поисках работы. Найти работу летчика в пространстве бывшего Советского Союза оказалось почти невозможно. Звал брат Георгий в Москву, где он, тоже летчик первого класса, работал носильщиком в аэропорту Внуково.

Наконец нашел себе место летчика на местных линиях в Мурманске. Можно себе представить разницу. Солнечный Баку и квартира в десяти минутах от пляжа — и почти полярный круг и покрытые льдом берега Северного моря.

После таких потрясений лучшим другом, без сомнения, станет бутылка. Лалаян, к этому не привыкший, стал быстро спиваться.

В это время пришло разрешение на выезд в Америку, куда уже уехали брат, сестра с семьей и родители.

Практически перед вылетом в Америку — первый инсульт и частичный паралич. Собрав всю волю, решил: выправлюсь.

«Мне лично далась эта Америка, но детям, которых было уже двое, нужно», — говорил он друзьям.

И выправился. В Америке встретили по-семейному, все вместе. Живи и радуйся.

Но ничто не проходит бесследно.

Звонок из Канзас-Сити застал меня на пороге. Звонила жена моего брата, сестра Лалаяна.

«Вчера его нашли дома мертвым в постели. Говорят, что умер во сне и не мучался».

Гусейнов — один из ярких представителей бакинской золотой молодежи шестидесятых годов, обладал уникальной способностью анализировать любую жизненную ситуацию и выдавать рекомендации, причем в девяноста процентах случаев его анализ оказывался точным. Его вокруг все и называли «маленьким Лениным» за огромный лоб и вечную правоту.

Закончил Гусейнов факультет восточных языков, самый престижный факультет Бакинского университета, и стал хорошим специалистом по языку фарси, женился рано и был отменным главой семьи.

Была у Гусейнова страсть к азартным играм. Играл он в покер и нарды, причем всегда на деньги, и немалые. Видимо, его природная способность анализа помогала ему в игре, и он был весьма удачлив. За картами он проводил много времени и имел много друзей в стане местных денежных воротил, кого и обыгрывал.

Однако эта страсть мешала ему получить место переводчика в престижных организациях, работающих за границей. Для переводчика в Союзе, при зарплате восемьдесят рублей в месяц, попасть в загранкомандировку было единственным шансом обеспечить семью. После долгих раздумий Гусейнов разработал для себя единственно возможный вариант. Он вступил в ряды Коммунистической партии, благо в ее рядах были его клиенты. Сразу после этого он выдвинулся

в партийные руководители одной маленькой конторы, читай «Рога и копыта», и уже в этом ранге стал штурмовать потайные двери КГБ, дающего разрешения на заграникомандировки. И не успели жена с детьми испугаться, как вся семья сначала оказалась в Афганистане при короле Дауде, а затем в Иране при шахе Реза Пехлеви.

Уже вернувшись из длительной заграникомандировки и купив престижную в те годы «Волгу», Гусейнов хвастался мне, что семью он уже обеспечил и может отдаваться полностью своей страсти.

Но история эта оказалась не такой веселой. Была у Гусейнова ахиллесова пята — мама была армянкой.

Надежда Ивановна, тетя Надя, как мы все ее звали, была заведующей детским садом, и дети всех гусейновских друзей ходили в этот сад и обожали бабу Надю.

Умерла Надежда Ивановна еще до армянских событий от рака и просила похоронить ее на интернациональном кладбище около матери. Гусейнов поставил матери замечательное надгробие из большой мраморной плиты.

Но вот и для Гусейнова началась война. Сам он был из тех бакинцев, которые говорили чисто на обоих языках конфликтующих сторон, и не боялся репрессий, и поэтому никуда не уезжал.

Как-то в одну из суббот поехал на кладбище к матери. То, что он увидел, было пострашнее налетов советских МИГов на бреющем полете на Кабул во время первой афганской революции. Кладбище было в руинах. Могила матери была разрыта, видимо, революционные массы искали золотые зубы. Надгробие испарилось.

Долго стоял Гусейнов над могилой матери, утирал слезы и копил злость. В тот же день он за большие деньги нашел мастеров и восстановил и могилу, и надгробие.

Это уже было вызовом. Через неделю картина повторилась. Могила была разрыта, а надгробие исчезло. Гусейнов стал интересоваться, зачем крадут надгробия. Ему объяснили, что их потом заново шлифуют и продают другим.

Гусейнов долго смеялся над этой ситуацией, рассказывая мне это по телефону.

«Представляешь, — говорил он мне, — сколько ярких азербайджанofilов спят на кладбищах под армянскими надгробиями. Тяжело, наверное, им».

Говорил Гусейнов, а я чувствовал, что душа у него кипит. Ведь он и за тех, и за этих всегда был горой.

Гусейнов и в третий раз восстановил надгробие матери и стал ждать. Думаю, для него это была большая мука.

Буквально перед праздниками Навруза позвонила жена Гусейнова. По ее голосу я все понял.

«Утром он поехал на кладбище и нашел его опять разрушенным. Вернулся домой, вроде улыбался. Подозвал внука и сказал ему: “Дедушке очень плохо”. Упал со стула и умер», — рассказала она мне.

Мамед-заде учился в медицинском вместе с моим братом. Я много о нем слышал, но знаком не был. Другими мы стали уже в подмосковном Одинцово, где жили рядом. Мамед-заде работал в реанимации госпиталя ракетных войск, был женат и тогда имел только одну дочь. Встречались мы часто, ужинали вместе, выпивали, а потом Мамед-заде садился за пианино, и мы в два голоса орали азербайджанские песни. Знал Мамед-заде много стихов и неплохо говорил по-французски, и вообще был человеком исключительной прозорливости и умеющим управлять людьми, чем в полную меру пользовался.

В те годы я руководил созданием престижных выставок на ВДНХ СССР и был знаком практически со всем руководством.

Однажды Мамед-заде уже под мухой говорит мне:

— Надоело врачевать в госпитале, душа простора требует. Устрой меня в павильон «Здравоохранение» ВДНХ.

— Я могу устроить только экскурсоводом, на большее у меня сил не хватит, — ответил ему я.

— Не беда, устрой меня экскурсоводом. Директором павильона я стану сам.

Ну что ж, сказано — сделано. Переговорил я с кем надо, и Мамед-заде взяли младшим экскурсоводом павильона «Здравоохранение».

Не знаю как, но через полтора года Мамед-заде, как и обещал, стал директором этого павильона.

По этому поводу сильно гуляли в ресторане «Можайский», и он мне вдруг говорит:

— Ты знаешь, надо когти рвать из Советов, тут скоро будет очень плохо.

— С чего ты взял, — говорю ему, — Горбачев вроде молодой, да и Тэтчер вроде понравился.

— Меченый он, а меченых всегда били, — сказал Мамед-заде, — не знаю как ты, а я лыжи уже наострил.

Вскоре я узнал, что Мамед-заде уехал с семьей в Черногорию, врачом акупунктуры.

Встреча наша произошла уже в Стамбуле в его роскошной квартире, куда он вместе с семьей перебрался прямо перед началом событий в Югославии.

— Переговори со своим другом, у него совсем крыша поехала. Собирается купить «калашников» и ехать в Карабах освобождать Шушу, — просила меня его жена.

Разговор наш был долгим, и я понял, что друг мой действительно готов отстаивать, как сам выразился, «могилы

отцов» с оружием в руках. Отговаривать его я не стал, только сказал, что это вряд ли изменит ситуацию.

Совсем скоро я узнал, что Мамед-заде делали в Америке операцию на сердце и что на фоне его долголетнего диабета отказали обе почки.

Последний раз виделись мы в Стамбуле. Я был проездом в Баку и остался у него ночевать.

Передо мной сидел глубокий старик, весь высохший, говорящий медленно и с одышкой. Проговорили мы почти всю ночь. Он, видимо, как врач, понимал, что мы говорим в последний раз. Уже под утро он вдруг мне сказал:

— Ты ведь знаешь, что у меня недавно родился внук, и мне бы очень не хотелось, чтобы он когда-нибудь с оружием в руках отстаивал мою могилу.

На Новый год я решил позвонить Мамед-заде. Трубку взяла жена. Она долго не могла говорить. Душили слезы.

Наконец после долгой паузы она сказала:

— Он был дома один. Уснул и не проснулся. Во сне чему-то улыбался.

Говорят, у католиков есть самая главная молитва для близких. Они просят для них у Бога легкой смерти.

Этим четвертым за их страдания Господь Бог дал легкую смерть. Интересно, какая смерть уготовлена тем, кто в угоду политическим амбициям и материальным интересам манипулируют миллионами человеческих судеб.

*Пусть этот рассказ станет
небольшим памятником моим друзьям.*

Мои американские племянники

Встретились Он и Она на приморском бульваре. Стояла прекрасная пора начала лета, и студенческая молодежь, чуть взволнованная предстоящими экзаменами, не могла скрыть своей радости от встречи с летом и приближающимися каникулами.

В компании, которая Ее окружала, оказался Его приятель, и он подошел с ним поздороваться. Он был значительно старше Ее друзей, и поэтому громкие возгласы и смех несколько стихли. Оказалось, что Ее друзья увлекаются теннисом, и, разумеется, они сразу узнали Его, шестикратного чемпиона республики среди молодежи. Потихоньку разговор от тенниса снова перешел на экзамены. В основном компания состояла из студентов исторического факультета университета, и все разговоры велись вокруг страшного экзамена по истории Азербайджана.

Она вдруг как-то по-детски выкрикнула: «Ой, если мне зададут вопрос по Нагорному Карабаху, я точно провалюсь».

— Почему? — удивился он. — Ведь это просто. Я могу вам помочь.

Девочки, Ее подружки, стали ухмыляться и заговорщически перешептываться. Они, разумеется, уже знали, что

этот молодой врач, как его представил приятель, давно ищет повод познакомиться с их подругой.

— Да, да, я вам могу помочь, я много об этом знаю. Бывал там много раз в детстве. У меня мама из Карабаха, из Шуши.

— Ой, как здорово, а у меня папа карабахский, но я там никогда не была, — произнесла Она и обратила внимание, что вся компания потихоньку смылась.

Так произошло их знакомство, молодого рентгенолога большой городской больницы и студентки первого курса исторического факультета Бакинского университета. В каждом из них текло по пятьдесят процентов карабахской крови. Только в Нем азербайджанской, а в Ней армянской. И разумеется, это им не помешало в кратчайший срок пожениться и народить двух замечательных мальчиков.

Первые годы совместной жизни прошли в атмосфере торженности и любви. Она благополучно завершила учебу, а Он получил повышение по службе.

Безвластие и хаос наступили с началом развала Советского Союза. Пошли разговоры об отделении, о переделе границ, о национальной гордости, о старых обидах. Откуда-то появились народные фронты якобы демократически настроенных масс. В воздухе запахло наживой.

Брожение пошло сверху. В один прекрасный день из Беловежской Пущи вышли, прямо как во время войны, четверо бывших коммунистических лидеров и окончательно развалили Российскую империю. Целым вышел только Андреевский флаг. Страшнее всего стало на бывших окраинах этой империи. «Даешь президента!» стало лозунгом дня, и две бывшие советские республики, которые семьдесят лет тому назад были Бакинской и Ереванской губерниями великой

империи, а четыреста лет до этого были отдельными княжествами, раздирающими друг друга до крови, вдруг вспомнили, что они когда-то в доисторические времена были великими Урартами и Албаниями и владели чуть ли не всей Европой.

Хотя странно как-то: Александра Македонского знают все, Аттилу, Чингисхана, Ивана Грозного, Наполеона и Гитлера знают тоже, а вот великих завоевателей из Урарту и Албании забыли. Странная забывчивость.

Ну а что делать простому люду? Топор в руки — и грабить соседей. Так и сделали.

В эту мясорубку попали и наши молодые.

Ничего не оставалось, как все бросить и бежать. А куда? Ну, разумеется, к России-матушке в Москву. А там уже ступить некуда, одни лица кавказской национальности.

Приютила их Москва, но у самих москвичей проблем до горла. Делать нечего — учи английский.

И вот уже наши герои в Америке вместе с Ее родителями, которые, однако, не задержались там долго. Не смогли. За целый день поговорить не с кем. Языка ведь не знают и вообще привыкли к нашей жизни. Пусть и не так сытно, а весело. А в Америке и выпить есть что, и закусить, а не с кем. Зачем тогда пить, если некому в плечо поплакать.

Вот и вернулись старики в Москву, оставив в Америке трех детей, зятя и внуков. Тут уж каждому свое.

Но самое главное, в Америку прибыли оба сына наших героев, два молодых человека, уже вкусивших прелестей эмигрантской жизни. К сожалению, на родине никто не подумал о судьбе таких вот юношей и девушек, родившихся от смешанных браков, а ведь зачастую это были наилучшие экземпляры рода человеческого.

Сколько их теперь мыкается по миру, не зная, к какому лагерю примкнуть...

Что касается наших молодых героев, то я очень надеюсь, что мои американские племянники, преодолевшие языковой барьер и сделавшие первые шаги в учебе и спорте, сумеют, вобрав в себя лучшие черты трех культур — русской, азербайджанской и армянской, подняться над обыденностью и стать достойными гражданами той страны, которая их так радушно приняла.

Надо

Первая мысль, пришедшая в голову:

— Ой, как не хочется вставать. Еще темно. Но на-до!

И как всегда, я рывком хотел сбросить ноги на пол, точно зная местоположение тапочек.

То, что произошло, а вернее не произошло, бросило меня в пот. У меня не было ни левой ноги, ни руки. Вернее, они у меня были, но я их не чувствовал.

Я попытался встать со второй попытки, стараясь в панике ухватиться за что-нибудь.

В этот раз я совсем потерял самообладание и стал орать:

— Помогите мне кто-нибудь, меня кондрашка хватила.

Вместо нормального крика из моего рта вырвалось бульканье.

«Вот это уж совсем некстати, мать твою...» — подумал было я, как в комнату ворвалась жена. Лицо ее было страшным. «Что это ее так испугало? — И тут же понял: — Ведь у меня, наверное, вся морда перекошена. Вот бы посмотреть на это зрелище!»

Мне почему-то стало весело.

«Во дела, — подумал я, — ведь меня теперь уж точно не смогут выгнать без выходного пособия».

Дальнейшее развитие событий становилось для меня еще более комичным. Я ужасно захотел в туалет.

«Что же делать, — вертелось в голове, — ведь в доме нет никаких приспособлений для этого. Остается надеться под себя».

Сообразив, что не смогу объяснить словами свое состояние, стал вспоминать какую-нибудь песню о естественной надобности. Думал, промышчу, авось поймут. Но вот дело — ни одной песни. Как же это поэты и композиторы упустили такую благодарную тему? Наверное, больше половины взрослого населения земного шара восприняло бы как гимн слова из песни «О вечном Запористе» —

*О славься дивное мгновение,
Принесшее мне облегчение!!!*

Но, увы, песни этой нет, а в туалет так хочется. В это время в комнату вошел доктор Стефан. Мы с ним знакомы уже десять лет. Этот молодой, высокий и хорошо образованный врач имел замечательные особенности — веселый нрав и легкую руку.

Его появление натолкнуло меня на мысль, что писать я еще не разучился, и тут правая рука так кстати зачесалась, напомнив о своем существовании. Так оно и было. Правая моя сторона была в здравии и готова мне помочь, тем более что я правша. Я показал доктору рукой, что хотел бы получить бумагу и карандаш. Получив их, я сразу же написал, в чем нуждаюсь. Оказывается, что жена уже подсутилась, и мне подложили утку...

Видимо, от напряжения я сильно устал и незаметно для себя заснул.

Сон мне снился какой-то весь голубой. Большая голубая комната, посередине стол, покрытый голубой скатертью. На столе карты. Вокруг сидят мои умершие друзья. Они все одеты в голубое и молча смотрят на меня. Раздался голос Ленки Авшалумова, умершего в тридцать три года за неделю до отъезда в Израиль от острого приступа панкреатита.

— Долго мы еще будем ждать, пока ты раздашь карты?

— Ребята, я не могу их раздать, у меня парализовало левую руку, — ответил я.

— Ерунда это, — сказал Леня, — ты можешь и должен. Если ты сейчас не раздашь карты, значит, ты все проиграл.

Я понял, что делать нечего, что надо раздавать. Ведь люди ждут.

Подвинув колоду правой рукой, я приподнял затем правой левую руку, положил ее на колоду и начал раздавать изпод левой руки, причем делая это с каждой картой ловчее.

— Вот видишь, — сказал все тот же Леня, — можешь, если надо.

Все громко рассмеялись.

Видимо, так громко, что я проснулся. В голове стучало одно слово: «Надо!»

Конечно, надо! Если я не смогу встать и доковылять до ворот, которые по служебной обязанности должен открывать и закрывать каждый день, и делать много других дел, то меня живо лишат моего места и квартиры, где мы живем бесплатно. Куда мы денемся?

Как же я тогда смогу помогать внучке и престарелому отцу, которые еще нуждаются в моей помощи?

Ничего не поделаешь. НАДО! — как сказал Леня. Вот и вся правда.

Уже через пару месяцев я вновь встречал учащихся у ворот школы, опираясь на самодельную, но довольно красивую деревянную палку, и произносил французские приветствия чуть с присвистом, но вполне понятно, продолжая напевать про себя Окуджаву:

А иначе зачем

На Земле этой вечной живу?

Амос-Аспис, 10.09.2004

«Тут агаджи бойунджа»*

Попал я в Монако случайно-запланированно, в составе туристической группы, приехавшей в Ниццу.

Очаровательная гид-полуфранцуженка, с чистым украинским акцентом произносящая русские слова, предложила нам выбрать направление следующей экскурсии: Канны или Монако. Начались споры. Туристы, которые уже были в Монте-Карло, требовали Канны, а другие наоборот, а те, что не были ни там и ни тут, соглашались с теми и с другими.

Решили голосовать (ох уж эта демократия). Я голосовал за Канны, имея в виду увидеть место, где проводят всемирно известные кинофестивали. Большинство оказалось за Монте-Карло.

И вот мы сошли на перрон подземного нового Монакского вокзала. Впечатляло!

Двинулись в сторону знаменитого казино. В Монако, чтобы пройти с улицы на улицу, пользуются или лифтом, или длинными лестницами.

Помню как сейчас, на Швейцарском бульваре мы пошли вниз по длинной каменной лестнице, с обеих сторон окаймленной стенами больших домов.

Каждый из нас пытался сосредоточиться на спуске по этой довольно крутой лестнице, конца которой не было видно из-за поворота, и все невольно жались к стенке, почему и вытянулись в цепочку.

Где-то на половине лестницы меня вдруг как ударило.

Снизу доносился свист. Кто-то потрясающе насвистывал очень известную бакинскую песню «Тут агаджи бойунча».

Что за наваждение, человек внизу переливался соловьем, искусно изображая мугамные коленца традиционного азербайджанского пения.

Я испугался, что пока я спущусь по этой лестнице, человек-соловей исчезнет, и начал громко насвистывать ту же мелодию, как бы давая понять, что сигнал принят.

В следующее мгновение я понял, что свищу один. На том конце пространства, принадлежащего только мне и этому человеку, была тишина. Я бросился бежать по лестнице, рискуя свернуть себе шею, и, только выскочив из-за поворота, увидел, что у ворот большого дворца, названного по-итальянски «Каза-Мия» (наш дом), стоит явный азербайджанец в темной майке и рабочих штанах.

Он стоит и плачет, а по щекам его катятся огромные слезы. Увидав меня и признав сразу своего, он бросился ко мне, и мы, не говоря ни слова, обнялись как самые близкие люди.

* Вдоль аллеи тутовых деревьев.

Оправдательный приговор

Проснулся весь в поту. Бросило в жар. То ли сильно влажная жара Средиземноморского побережья, то ли сон при-
снился, то ли все вместе.

Пытался припомнить, что же приснилось.

На выезде из Монако, на большом паркинге для туристических автобусов стоял с чемоданом в руке весь седой, небольшой старичок. Он голосовал машину, размахивая чемоданом, со всех сторон обклеенным эмблемами городов. Такие чемоданы я видел раньше у клиентов Интуриста.

Из любопытства я остановил машину и спросил по-французски, куда, мол, едешь, дедушка. Старик приблизился к машине, и тут меня как током ударило. Это был мой отец. Весь седой, в сером старом костюме, который я ему еще в Москве покупал, при галстуке и со странным чемоданом в руке.

Я потерял дар речи, молча посадил отца и тронулся с места, не смея поднять глаза. Чтобы понять мое волнение, надо просто знать, что я, заядлый курильщик, до сорока пяти лет ни разу не закурил при отце.

Наконец, преодолев паузу, спросил уже по-русски: «Куда едешь, отец?»

«К сыну в Монако, он там живет и работает на большой должности», — ответил он с гордостью.

Я не выдержал. Остановил машину и, подняв глаза на отца, прохрипел: «Так ведь это я и есть твой сын, папа».

Отец посмотрел на меня, как мне показалось, с пренебрежением и ответил грубо: «Мой сын молодой и красивый, а ты, старый козел, будешь мне голову морочить».

Вышел из машины, схватил свой чемодан и со злостью хлопнул дверью.

Я пытался вылезти из машины и броситься за отцом, но ноги стали ватными, и голос пропал.

Это и был сон, который бросил меня в жар.

Сердце билось как сумасшедшее. Стал вспоминать, сколько же времени не видел отца. Последний раз встречались в Баку на сорок дней матери. Мама скончалась в больнице в Москве от сердца, как практически все ее братья и сестры, и чтобы похоронить ее рядом с ними, старшая дочь моя перевезла с большими трудами в Баку ее тело в цинковом гробу.

На похороны я не успел, как всегда тысяча отговорок.

«Зато я обеспечил все расходы», — засветилась в мозгу подленькая мыслишка.

Видимо, она и стала успокоительно действовать на расшалившееся сердце. Потянуло ко сну. Повернулся на любимый левый бок, и сразу на экране возник Василий Шукшин, рыдающий на земле после скрытого посещения матери в «Калине красной».

Следующим на экране появился одетый в напудренный парик судья, который знакомым голосом диктора радио Левитана зачитал мне оправдательный приговор.

Утром, проснувшись с головной болью, пытался вспомнить, что же такое приснилось. Но времени на долгие воспоминания не было, и я бросился по делам службы, надев на лицо принятую в этом мире обязательную улыбку.

Протестантское кладбище, или Римские каникулы

Собирались мы давно поехать в Рим, но никак не могли выбрать время. То одно, то другое. А тут такая оказия. Весь мир едет в Рим на похороны папы римского Иоанна Павла II. Решили и мы: едем обязательно.

Жена моя была однажды в Риме, но это было еще в 1970 году, когда был еще жив Бонди, муж ее родной тети. Тогда она, к сожалению, не знала языков и поэтому мало что запомнила из увиденного.

Ехать мы решили на ночном поезде, чтобы не терять время на дневной переезд. Друзья наши, хорошо знавшие Рим, убедили нас, что ехать на машине — сумасшествие. Все нервы в Риме истреплешь и ничего не увидишь.

Первое же наше знакомство с Римом стало откровением. Нас, правда, и раньше предупреждали, что в Риме, как в Ростове 30-х годов, уводят бумажник с большим мастерством. Об этой опасности нас тут же предупредило римское метро, где на многих видных местах на разных языках плакаты рекомендовали не зевать, а уж если зеваешь, то прикрывай не рот, а карман. Прямо как в нашем пионерском детстве: «А враг не дремлет». У меня возникла странная ассоциация с итальянскими оперными певцами. Они настолько хороши,

что позволяют себе быть безобразно толстыми. Так и город Рим, настолько хорош, что ему не стыдно за такую мелочь, как карманные воры.

Приехали мы в Рим около семи часов утра шестого апреля и сразу окунулись в море людей с рюкзаками и матрацами на спинах. Это были почти три миллиона паломников, прибывших в Рим проститься с величайшим религиозным деятелем двадцатого века, сделавшим много на пути объединения людей. Среди этой массы заметно выделялась молодежь, почти два миллиона юношей и девушек, готовых спать на улице и есть только бутерброды, но выразить свою благодарность и продемонстрировать солидарность. Мы случайно в толпе разговорились с одним из таких молодых людей с рюкзаком на спине, а он оказался римлянином, и на наш недоуменный взгляд ответил, что он вышел на улицу и будет спать вместе со всеми на мостовой. Разве в такой день можно думать о своих удобствах и не быть со всеми?!

Уверен, что если добавить к этим двум миллионам католиков еще несколько миллионов мусульман, евреев, православных, протестантов, буддистов и других, то можно быть спокойным за будущее планеты. Лучшее, что могут придумать актуальные правители мира, — это не противопоставлять их друг другу.

Итак, мы в Риме. В этом вечном городе, который, невзирая на прогнозы интернетной метеосводки, подарил нам все свои памятники истории, озаренные ярким солнцем.

Было так светло и тепло, что мы решили двигаться к нашей гостинице пешком. Откровенно говоря, у нас и не было другой возможности, так как метро за много станций до площади Сан-Пьетро было полностью забито, а в автобус с рукой, постоянно занятой карманом с бумажником, не пробьешься.

Сообразуясь с картой, пошли мы через центр Рима по площади Республики к мостам через реку Тавере напрямик в направлении Ватикана. По пути мы часто останавливались, чтобы запечатлеть себя на фоне римских памятников. Пройдя площадь Бразилии, заполненную народом, и выйдя к старой городской стене, мы поняли, что должны передохнуть. Шагать с тяжелыми рюкзаками мы не привыкли, и хотелось попить. Мы зашли в первое же кафе, из которого соблазнительно пахло кофе и выпечкой. Заняв столик в глубине зала, мы по очереди пошли в туалет. В предбаннике туалета, стены которого были покрыты красивой плиткой, стояла роскошная раковина, а над ней нависал кран с довольно витиеватыми ручками. Однако все мои усилия повернуть кран и пустить воду были безуспешными. О-ля-ля, — подумал я как настоящий француз. Эти итальянцы забыли подключить воду. Выйдя, я предупредил жену, и она решила вообще не идти в туалет. В это время мимо нас проходил молоденький официант, и я с высоты своего, как мне казалось, культурного уровня с иронией спросил его: «А что, у вас не принято мыть руки?»

Молодой человек, видимо, уже не первый раз, улыбаясь ответил, что под раковиной имеется педалька, которая управляет водой, чтобы не прикасаться к крану чистыми руками. Получилось ну прямо как в анекдоте:

«Мужик один, из наших, заходит за рубежом в аэропорту в туалет. Сделал свое дело и сразу выходить. А дверь не открывается. А мужику срочно на посадку. Бился он в дверь, бился, а толку мало. Вокруг все что-то кричат по-иностранному, а он, бедный, совсем растерялся, ничего не понимает. Вдруг слышит, снаружи кто-то по-русски спрашивает:

— Старик, а ты воду спустил? Спусти, и сим-сим говорить не надо. Сама откроется...»

Ну, мы посмеялись над самими собой, быстро вымыли руки и бросились пожирать невероятного вкуса и дизайна горячие бутерброды.

Вот на этой веселой и сытой ноте мы и двинулись дальше. На выходе из кафе нас провожал все тот же официант, и я не удержался его подковырнуть, мол, а в космос мы все равно первые послали человека. Он, бедняга, так ничего и не поняв, все время продолжал нам улыбаться и говорить: «Грасия, грасия».

С этими приветствиями мы перешли мост какого-то Нанни и наконец добрались до площади всем известного Цезаря и уже не раздумывая нырнули в метро. Здесь мы еще раз проявили свою «готовность» интегрироваться в европейскую жизнь. Мы купили проездные билеты на все три дня. После метро нам предстояло пересест на автобус, и мы, довольные собой, купили проездные и на автобус на три дня. Каково же было наше удивление, когда мы обнаружили, что это такой же проездной, как и на метро. Это был единый проездной. Мне было очень обидно, но жене моей было обидно вдвойне. Во-первых, она кандидат наук, а во-вторых, дальним родственником ее был большой экономист, Карл Маркс. Так, подшучивая друг над другом, мы наконец добрались до нашей гостиницы, оказавшейся красивой и комфортабельной.

Но задерживаться в гостинице у нас времени не было. Мы только сбросили рюкзаки и спросили у администратора, как добраться до римской пирамиды, и узнав, что легче всего это сделать на электричке, двинулись в путь.

С этой пирамидой у нас оказалась долгая история. Многие годы искали мы могилу родной тети моей жены, жившей и умершей в Риме и похороненной рядом со своим мужем — венгерским князем Андреем де Вайда. Но мы никак не могли

выяснить, на каком же кладбище они похоронены. И вот только спустя много лет нам помог Интернет. После долгих манипуляций с информацией мы обнаружили, что оба похоронены на протестантском кладбище, которое, в свою очередь, находится рядом с римской пирамидой. Вот мы и поехали искать эту пирамиду. Нашли мы ее быстро и сразу за ней обнаружили длинную стену протестантского кладбища. Узнав по Интернету, что наши родственники похоронены на протестантском кладбище, мы были очень удивлены. Она наполовину мусульманка, на одну четверть — еврейка, а на другую четверть католичка, а он чистый католик, — и оба они похоронены на протестантском кладбище. Ответ на свой вопрос мы обнаружили, войдя на кладбище. Небольшой памятник Антонио Грамши — секретарю итальянской компартии, соседствовал с памятниками многих русских аристократов, покинувших Россию задолго до Октябрьской революции. Чуть дальше — надгробия иранского журналиста, единственного сына Гёте, множество еврейских фамилий. Кладбище оказалось интернациональным, что так соответствовало сегодня настроению, царившему в Риме в дни похорон папы римского Иоанна Павла II, так много сделавшего для объединения людей не только на кладбище.

Могилу наших родственников мы нашли с помощью работника информационной службы. Правильность рядов и параллелей позволила нам быстро разобраться в нумерации могил. Здесь чувствовалась заботливая рука общества. Не было заборов, оград, скрипучих калиток, погнувшихся крестов. Чистота и порядок царили везде. Могила супругов де Вайда была расположена у самой стены. Рядом была могила княгини Голицыной и ее семьи. В изголовье — могила Антонио Грамши. Могила была достаточно ухожена, но отсутствие

цветов, как живых, посаженных, так и срезанных, говорило о том, что сюда давно не приходили близкие люди. Да в принципе близких почти и не осталось. У нее были брат и сестра. Старшая сестра Нина, вышедшая замуж за видного деятеля Азербайджана — Самеда Агамали-оглы, провела после его смерти более двадцати лет в лагерях ГУЛАГа как немецкая шпионка. Брат умер в 1974 году в Баку. После всех троих осталась единственная наследница — моя жена.

Когда Амина де Вайда умерла, то она оставила все свое имущество моей жене, то есть часть дома под Римом с большим виноградником, драгоценности и деньги в швейцарском банке. Но в те годы советской власти получить наследство за рубежом было смерти подобно. Семью моей жены вызвали в КГБ и «посоветовали» отказаться от всего. Что они и сделали!!!

После смерти Андрея де Вайды единственными по его завещанию наследниками стали слуги, семья, которая за ним смотрела. И все отошло слугам.

На кладбище мы спросили у администрации, ухаживает ли кто-то за могилой. Те посмотрели в специальные книги и рассказали нам горькую историю, что семья, которой досталось наследство, вложила все в какой-то бизнес и разорилась. Отец с матерью умерли, а дочь вышла замуж и переехала в другой город. Так что и ходить некому. Вот такая история.

Уходили мы с кладбища со смешанным чувством. Во-первых, мы нашли могилу родственников. К сожалению, жена моя свою тетю живой не видела. Та уехала из Союза до войны и больше не возвращалась. Во-вторых, мы узнали, что кроме нас за могилой ухаживать некому. У Андрея де Вайды тоже никого из родственников не осталось. Был брат, но он давно умер в Америке.

Ну что делать. Пока есть силы, будем ездить раза два в год, прибираться на могиле.

Кстати, в горах Дагестана, где родилась Амина де Вайда, урожденная Асев-Аджиева, младшая дочь полковника личной гвардии Его Императорского Величества Александра III, князя Абдул-Вагапа Асев-Аджиева и внучатой племянницы немецкого поэта Генриха Гейне, могилы усопших предков со временем исчезают!

Что самое первое после кладбища приходит в голову российскому человеку? Надо выпить за упокой душ усопших. Так мы и сделали. Зашли в кафе у подножья развалин грандиозного театра Колизея, заказали бутылку хорошего вина и, налив по стаканчику, выпили, не чокаясь, завершая еще один виток нашей истории, чуть-чуть приоткрывшей занавес своих секретов.

2005 г.

Как Адама во второй раз выгнали из Рая

Притча

Так уж получилось, что Адам, несмотря на все трудности, выпавшие на его долю в наказание за собственную сексуальную несдержанность, оказался сильно живучим и дожил до наших дней.

Говорят, что трудности помогают стать сильным и учат выживать, хотя иногда они же, трудности, сильно портят характер человека.

Такое вот случилось и с Адамом. Характер его стал склочным, и появилась сильная страсть к доносу. Хотя сам он это воспринял как чувство высшей справедливости, тем более что эта его новая черта была благосклонно одобрена многими властителями разных времен.

Стучать на всех стало главной страстью Адама, и в этом он, безусловно, преуспел.

Он стукнул Каину на Авеля, находясь с обоими в родстве. И вы, разумеется, помните, чем это кончилось.

Адам наступал на Моисея египетскому фараону. Из этого чуть не вышла еще большая трагедия, если бы не своевременное вмешательство самого Господа Бога. Во все времена находил Адам объекты своей страсти.

Сколько людей сгорело на кострах инквизиции по доносу Адама. Он и на Галилея донес, хотя точно знал, что Земля имеет форму шара.

Какой великий урон нанес Адам французской нации, наступав на аристократию первой волне революционеров. Французы от этого до сих пор не оправились. Разрушенный генофонд восстановить нельзя.

От Адамовых проказ пострадал генофонд и российского народа, и может быть даже и поболее, чем французского. Стучал он охранке на революционеров, а потом революционерам на Романовых. Очень уж Адам невзлюбил Романовых. Почти под корень вырубил. И был достойно обласкан тогдашним правителем. Даже был награжден первым и, кажется, единственным орденом «За доблестное наше дело». Поговаривают, что и сам властитель был не менее искусным доносчиком.

Следы деятельности Адама видны и в наше время. Сначала донес Адам Горбачеву на Ельцина, а затем наоборот.

Не заметил Адам, как времена изменились. Стало необходимо срочно перелицеваться в демократа и требовать воздать себе по заслугам. А так как времена оказались смутные, заявление Адама попало совсем не в ту организацию, и его, учитывая многовековые заслуги перед многими правителями, отправили в маленький Рай под названием Центральная Европа.

Дали ему тут хорошую квартиру на всю семью, медицинскую страховку на случай болезней и полный пансион. Живи, мол, и радуйся.

А чему тут радоваться. Совсем зачахнешь. Здесь благодаря всяким мультимедиа и интернетам не осталось секретов и тайн. Все всё и про всех знают. Стучать не на кого. А на соседей они и сами доносить приучены. Мол, гражданский долг.

Однако нашел все-таки Адам объект.

Пошел Адам куда надо и наступал на собственных детей, мол, отец у них стукач и тайный агент всех времен и служб.

Вот тут и переполнилась чаша терпения Господа Бога. Изгнали Адама с позором во второй раз из Рая...

Живет теперь Адам где-то на Кавказе, в какой-то дыре, затерянной в горах, и удивляется, за что же его так круто наказали. Ведь он хотел как можно лучше для других.

Живет теперь Адам и думает, а это уже хороший признак. Может, наконец, и додумается. Боюсь только, не поздно ли?

Монако, 06.10.2004

Русские в Монако, или Сбывшаяся мечта

Русские в Монако бывают разные.

Бывают старые русские, которые попали сюда после революции 1917 года.

Эти делятся на два класса. Аристократы, удачно пристроившие свои титулы, и простолюдины, казаки, священники, также замечательно устроенные. С годами разница между ними стерлась, хотя каждого видать за версту.

Бывают новые русские, которые попали сюда после революции 1987 года.

Эти тоже делятся на два класса. Класс люкс, которые окунают свои тела в роскошные воды Бич-пляжа, сорят отборным матом в портативные телефоны и долларами в казино, но почему-то часто меняют лица. И класс автобусный, который окунает свои тела в воды городского бесплатного пляжа, фотографируется у знаменитого казино на фоне чужого «феррари», а потом после сытного обеда на скамейке в городском саду трясется через всю Европу домой, где всеми силами будет изображать средний класс. Все как у людей.

Бывают русские евреи, как хозяин роскошного мужского магазина «Jaquy», которые здесь всегда были, есть и будут, потому как это фундаментально.

А бывают и уникальные русские, они же азербайджанцы, они же бывшие коммунисты, они же школьные сторожа.

Да, да. Мы действительно сторожа в школьном интернате. Я и моя жена. Правда, понятие сторож здесь включает в себя и смотритель, и воспитатель, и завхоз, и управдом, и сантехник, и шофер и так далее. Уникальность же наша заключается в том, что, имея по два диплома, а она еще и кандидатский и более 20 лет работы в инженерных и научных сферах, мы, наконец, нашли *свое* место. А почему это именно наше место? Представьте себе, что директор, тоже русская, вывезенная из России в начале прошлого века в двухлетнем возрасте, сохранила способность хорошо руководить всемирно известной школой до сих пор! А то, что ее мама была бакинкой! Да, и самое главное. Жена принца Альберта I, бабушки нынешнего, оказалась внучатой племянницей поэта Генриха Гейне, как и бабушка моей жены. Вот теперь поди не поверь, что это место не было кем-то на самом вершине в божественной администрации зарезервировано именно для нас... При том, что я до 45-летнего возраста не был даже в Болгарии. А уж туда практически все ездили.

Недалеко от Монако в горах есть место, которое считается святым. Туда все люди ближние и дальние ездят благодарить Святую Деву Марию за чудеса с ними происшедшие.

И мы тоже часто туда ездим, благодарить Матерь Божью за чудо, которое произошло с нами. А чудо именно в том, что, найдя свое место и делая работу, нужную другим, мы нашли самих себя. В прошлом занимая неплохие должности и оставаясь винтиком в машине, я с годами стал себя ненавидеть, находя у себя все больше и больше недостатков. Правда, жена моя относилась к этому более спокойно, принимая все как неизбежное зло.

Она мне часто повторяла слова из святого Фрасуа д'Ассис:

*Дай мне силы бороться с тем, что я смогу изменить,
Дай мне терпение принять то, что я не могу изменить,
И дай мне ум, чтобы отличить первое от второго.*

Замечательно. Но, видимо, мужчине труднее, чем женщине, согласиться со своей не востребованностью.

Теперь же я стал люб самому себе и, как мне кажется, и другим, хотя жена моя и на этом этапе менее восторженна.

Для школьной детворы я как строгий деда, а жена моя как не очень строгая бабушка, хотя у нас и здесь наоборот. Для собственной внучки, которая учится в этой же школе, по строгости мы поменялись местами. И на всю эту детвору, нашу и не нашу, мы пашем 7 на 7 и 24 на 24 за прожиточный минимум и очень этому рады.

Мы, как и все 250 миллионов советских сограждан, мало верили в возможность построения коммунизма, светлого будущего человечества. Но это было до того, как мы попали в Монако. Вот здесь мы обнаружили, что такое не только возможно, но это уже и существует. Оказывается, нет необходимости быть самым большим и иметь самую большую армию или построить как переходную лестницу так называемый развитой социализм.

Достаточно иметь территорию одного холма, десяток карачинеров и одного толкового принца, который за 50 лет сумеет осуществить величайшую мечту человечества, сделать своих сограждан свободными, имеющими работу, крышу над головой, и, главное, обеспечит их защиту.

Наверное, поэтому и тянет сюда русского туриста. Тянет посмотреть на несбывшуюся, как всегда у нас, и сбывшуюся, как всегда у них, «Нашу» мечту, о чем они, конечно, и не до-

гадываются. Куда им догадаться. У них ведь и мимоза цветет в январе. Представьте себе лазурное море и голые скалы, сплошь покрытые рукотворными садами, роскошными вилами и кустами ярко-желтой, солнечной мимозы. Чисто рай. А какой же рай без сбывшейся мечты.

*Мимоза, яркая как солнце,
На берегах лазурных расцвела.
И Январю Весну напомнив,
Его чуть-чуть до слез не довела.
Сердечный, бросив зимние дела,
Весне навстречу побежал.
И только 31-го он вспомнил,
Что между ними есть Февраль.*

Монако, 08.08.2001

Сказка о трех братьях

На благодатной территории между двумя морями, чуть ниже Кавказских гор, жили три брата. Один из братьев был богат, второй хитер, а третий — красив.

Жили они мирно и помогали друг другу.

Но случилась с ними странная история. Влюбились они в одну и ту же северную голубоглазую блондинку.

Красавица эта была весьма практична и не отказывала ни одному из них. Она всю тратила деньги первого, хохотала над анекдотами второго и так же громко стонала от красоты третьего.

Братья, разумеется, ревновали и пытались сверх сил угодить красавице, а ее аппетиты все росли. Ну вот и стал беднеть первый, грустнеть второй, а третий никак не мог найти «Виагру».

На их несчастье, на горизонте красавицы появился некто из очень «авторитетной» семьи бывшего узника египетской тюрьмы и замечательного пловца, переплывшего Красное море, в котором были собраны все три качества, так привлекавшие красавицу. Несметное богатство сопровождалось веселым характером и удивительной нежностью в постели. К нему и ушла красавица.

А бедные три брата, перессорившись между собой, решили никогда более не отдавать свою любовь северным красавицам.

Монако, 25.08.2005

Великая месть

Полуисторический очерк

На коленях перед царем стояли двое. Оба они были без папах и, поникнув головой, ждали решения царя. А были это отец и сын, представители одного из сильнейших родов половецкой степи хана Ильдрыма. После падения Казани бесстрашному и, как молния, быстрому Ильдыриму-хану оставалось только два выхода: или погубить всю семью, продолжив борьбу, или, последовав народной мудрости, отступить на время, сохранив сына и семерых дочерей, дожидаться своего часа. Царь Иоанн понимал, что перед ним враг, враг, который никогда не забудет обиды. Но понимал царь, что еще не скоро оправится половецкий хан, и поэтому решил крестить его, но сделать отметину для будущих своих потомков. Очень много в ту годину пало на колени перед православным царем половецких воинов, и всем он лично давал имена после крещения. В основном это были имена, связанные как-то с половецкими именами, как, например, Юсуповы, Голицыны, Кутузовы, Шереметевы и т. д. Но зная популярность Ильдырима-хана среди своего народа, царь решил назвать его род Безобразовыми, тем самым отметив, что сей род никогда не станет верным Образу Лица Всевышнего. Мудр был великий царь, далеко глядел.

По приказу царя новоиспеченные Безобразовы поселились в столице, чтобы всегда быть под контролем. Но недолгим

оказался век храброго воина Ильдрым-хана. Не мог он жить без степного ветра, который будоражил ему кровь. Вызвал он сына и отдал ему небольшую статуэтку, которую хранил от чужого глаза. Это был их родовой хранитель очага, языческий божок, перешедший Ильдрым-хану от предков.

— Храни этот символ нашего благополучия и бытия. Пока он цел и принадлежит кому-то из нашего рода, нам нет конца. В твоих руках судьба нашего рода.

Сказал это великий воин и умер, и дух его соединился со многими тысячами воинов великого народа, оставившего свой кровавый след на всем пространстве Евро-Азиатского материка.

Прошло с тех пор много веков. Семейство Безобразовых окрепло и соединилось брачными узами с другими родами, которые, как и они, вышли из степи. Начало нового, двадцатого века встретили они в полной уверенности, что их время настало. Ни на одну минуту не забывали они, чьими правнуками являются. Их души все так же требовали степного ветра. А душа Ильдрым-хана явно витала над ними, требуя отмщения. Пришел час расплаты Романовской династии.

В конце девятнадцатого века образовалась сильная группа богатых помещиков, которая стремилась прийти к власти на восточных рубежах Российской империи. Группа требовала от властей долгосрочную лицензию на разработку богатств Маньчжурии и Кореи. Получить лицензию им не удалось, но разными авантюристическими ходами и закулисными играми группе все-таки удалось получить у царя разрешение на выделение Дальневосточного региона в административную единицу, получив под это из российской казны, вопреки протестам графа Витте и других верных короне деятелей российской власти, более двух миллионов золотом и назначить

наместником области адмирала Алексеева, активного члена так называемой «Безобразовской клики»*, возглавляемой одним из Безобразовых. Клика состояла из весьма влиятельных в России личностей, как министр внутренних дел Плеве, великий князь Александр Михайлович, министр финансов Абаза, и пользовалась большой финансовой поддержкой крупного помещичьего дворянства. Получив в руки восточную область, клика усилила свою политику подталкивания царя к войне с Японией, внося полную дезинформацию о реальном положении дел. А реальность была такова, что Япония доминировала своим флотом на Тихом океане, и вступить России в войну было безумием. Именно это входило в планы Безобразовской клики. Как можно больше ослабить власть и свергнуть Романовых.

Усилиями клики российская власть, подталкиваемая американцами, которым необходимо было ослабить войной Японию, вступила в губительную войну в 1903 году.

Царь понимал, что необходимо усилить Тихоокеанский флот, и он отправил туда российскую эскадру во главе с адмиралом Макаровым, гордостью российского флота. Прибытие российской эскадры под началом адмирала Макарова сильно обеспокоило японцев и, как видно, не только их. До сих пор не разгадана тайна взрыва головного эсминца русской

* «Безобразовская клика» — в исторической и мемуарной литературе название группировки, главным образом крупных помещиков, в России 1898—1905 гг., имевшей целью создание акционерного общества для эксплуатации естественных богатств Кореи и Маньчжурии. Лидеры: А. М. Безобразов, великий князь Александр Михайлович, В. К. Плеве и др. Оказывала влияние на правительство, проводила авантюристический внешнеполитический курс. (Цит. по: Новая Российская энциклопедия.)

эскадры с Макаровым на борту. После долгих исследований единственной остается версия предательства.

Война принесла России большое поражение как на воде, так и на суше. Состояние экономики оказалось катастрофическим. Безусловно, это стало толчком к первой русской революции 1905 года, которая была подавлена, но основательно ослабила и поколебала трон с сидящим на нем последним царствующим Романовым. Власти понимали необходимость реформ как экономических, так и политических. Такие умы, как Столыпин, Витте и другие прилагали максимум усилий, чтобы выправить состояние экономики, но часто их усилия наталкивались на авантюристическую политику Безобразовской клики, особенно во внешней политике. Достижению целей клики вполне подходила полномасштабная война. И она не заставила себя долго ждать. Наступил 1914 год. Никто не предполагал во всем мире, чем обернется для России, а можно сказать — для всего человечества эта война. Хотя кто знает!!!

Абсолютно точно известно, что среди людей, подталкивавших царя Николая к отречению от власти, были и Безобразовы. Об этом говорят письма царя. Как бы то ни было, но царь отрекся от власти. Надеяться на то, что кто-то удержит царя от рокового для России шага, было не на кого. Возможно, как говорят сейчас, это мог бы сделать Распутин, но последнего уже убрали с пути. И кто?! Князь Юсупов, многие поколения семьи которого, по его же словам, пытались безуспешно противостоять Романовым.

Тут же произошла буржуазная революция февраля 1917 года, и к власти пришло Временное правительство, которое опиралось, ко всему прочему, на большие средства крупных российских помещиков. А среди этих, разумеется, были члены Безобразовской клики. Именно они сыграли решающую роль

в судьбе царской семьи, когда правительство раскололось на две части. Одна требовала арестовать царскую семью, а другая выслать всех за границу, тем самым спасти от произвола. В итоге царская семья была арестована. Что было дальше, известно всем. Но вот еще одна маленькая догадка.

Говорят, что Ленин прибыл в Россию из эмиграции для того, чтобы возглавить новую революцию на немецкие деньги. Позвольте сомневаться. Ведь немцам совсем не нужна была пролетарская революция. Нам известно, как они поступили со своей. Так на чьи же деньги из Швейцарии в запломбированном вагоне прибыл брат убитого Романовыми Александра Ульянова, давшего матери слово отомстить за брата? В архивах имеется портрет Владимира Ульянова без бороды и усов. Посмотрите внимательно на это скуластое лицо и сравните со скуластым лицом последнего умершего в Ницце Безобразова. Остается только догадываться, как все было на самом деле.

А кончается эта история тем, что на свете осталась последняя, самая живучая Безобразова — Мария Михайловна, которая в свои неполные девяносто лет живет в Монте-Карло и верно служит семье, сидящей на троне, и, наверное, только в одиночестве (а это оказалось ее уделом, потому как своих детей она отдала в приюты) она разговаривает со своим языческим божком, доставшимся ей по наследству и которого она бережет от чужого глаза.

Видимо, унесет последняя Безобразова с собой в могилу реликвию рода Ильдрим-хана, и будут после этого посетители кладбища в Монако ощущать на себе дуновение какого-то незнакомого ветра с особым ароматом степного половецкого ковьяля.

Разное

А любовь остается

Сценарий

Весну 2004 года Фрида, молодая москвичка, встретила в Сан-Ремо, где заканчивала балетную школу мадам Жоэль. Она была занята сборами. Предстояла поездка в Рим, где она собиралась найти, наконец, могилу своей тети Эммы. Скорее это была не тетья, а сестра дедушки, которая более тридцати лет прожила в Риме и вместе с мужем была похоронена на протестантском кладбище. Указание на это кладбище Фрида нашла в Интернете и была очень удивлена. Тетя Эмма была частично еврейкой, частично католичкой и частично мусульманкой, а муж ее Андре был католиком. Странно, что их похоронили на протестантском кладбище.

Прибыла Фрида в Рим на поезде рано утром и сразу попала в море людей с рюкзаками и матрацами на спинах. Это были желающие проститься с выдающимся религиозным деятелем двадцатого века. Среди этой массы заметно выделялась молодежь, юноши и девушки, готовые спать на улице, есть только бутерброды, но выразить свою благодарность и продемонстрировать солидарность.

Фрида в толпе разговорилась с молодым человеком с рюкзаком на спине. Юноша оказался римлянином и на недоуменный взгляд Фриды ответил, что вышел на улицу и

будет спать со всеми на улице. Разве в такой день можно думать о своих удобствах и не быть со всеми?

А Фриде сегодня обязательно надо попасть на протестантское кладбище.

Сообразуясь с картой, она двинулась через центр города в направлении развалин Колизея, откуда, если верить карте, до римской пирамиды рукой подать.

Прямо за пирамидой тянулась длинная стена протестантского кладбища. Обойдя почти всю стену, Фрида наконец нашла вход на кладбище.

Войдя на кладбище, она сразу поняла, почему было выбрано это кладбище, чтобы похоронить семейство де Вайда. Кладбище было интернациональным. Здесь покоились рядом секретарь итальянской коммунистической партии Антонио Грамши и русские аристократы, иранский журналист и единственный сын Гёте, множество еврейских фамилий.

Фриде показалось символичным находиться на интернациональном кладбище в день, когда хоронят папу римского Павла II, сделавшего так много для объединения людей не только на кладбище.

Раньше Фрида жила вместе с родителями и сестрой в Баку и никуда кроме Москвы не выезжала, а в 1982 году вся семья переехала в Москву, где Фрида начала учиться балету. В школу госпожи Жоэль Фрида поступила, чтобы освоить современный современный танец. Матушка Фриды была единственной наследницей, которой ее тетья Эмма оставила все свое состояние — часть большого дома под Римом с виноградником в пять гектаров, драгоценности и деньги в швейцарском банке. Фрида в ту пору еще не родилась и знает эту историю по рассказам старшей сестры. Мать

тогда вызвали в КГБ и ласково «посоветовали» от всего отказать. Что она и сделала, хорошо зная, что может случиться в случае отказа. Семья знала нравы советских органов, которые не изменились и после Сталина. Старшая сестра деда просидела в сибирском лагере ГУЛАГа двадцать два года, а самого деда расстреляли без суда и следствия.

Поэтому, наверное, как только в конце 80-х годов стало легче выезжать из страны, отец Фриды объявил, что пока есть силы, надо уезжать и устраиваться в Европе. Голова есть, отец инженер, руки есть — пробьемся. Везде нужны люди, способные качественно работать. И отец пробился.

Кладбище было очень чистым и ухоженным. Правильность линий и параллелей позволяла быстро найти нужную могилу.

Могилы супругов де Вайда расположена у самой стены. Аккуратный камень надгробия, подстриженный газон, но отсутствие цветов, как живых, посаженных, так и срезанных говорило о том, что сюда давно не приходили близкие люди. Да в принципе и близких-то людей осталось мало, и те живут не близко.

Фрида немного прибрала на могиле, полила газон и надгробие, помыла надпись и села передохнуть. Чувствовалась усталость и голод. Она достала сэндвичи, которые купила по дороге, и бутылку колы. Немного поев и попив сладкой водички, Фрида прислонилась спиной к стене и, кажется, даже вздремнула.

То ли усталость, то ли масса впечатлений, а может, и все вместе, но только стоило ей прикрыть глаза, как Фрида оказалась в другом мире.....

Свадьба Принца Альберта I с баронессой Алисой де Ришелье. Много приглашенных титулованных особ. Среди

приглашенных пятидесятичетырехлетний князь с Кавказа Абдул-Вагап. Оркестр играет вальс, и князь приглашает на танец довольно крупную, миловидную и очень молодую блондинку. Ею оказывается кузина невесты Фрида фон Каан, австриячка по происхождению, получившая воспитание в семье старшего брата поэта Генриха Гейне, Максимилиана. Девушке всего девятнадцать лет, но ее взгляд и мимолетные ответы на вопросы партнера говорят о ее зрелости. Случайно или усилиями партнеров, но продолжение вечера они проводят рядом.

На следующий день князь приглашает Фриду прокатиться в коляске вдоль берега моря и пообедать в небольшом ресторане. Этот день можно считать днем начала их совместной судьбы.

Князь, имевший до этой встречи двух жен, был поражен красотой и умом молодой австриячки, а знание французского и немецкого языков способствовало их быстрому сближению.

Уже на четвертый день их знакомства князь предложил Фриде руку и сердце. Зарегистрировать брак решили в Париже, в русском консульстве.

Здесь произошла небольшая заминка, которую создал русский консул, вызвав Фриду одну в кабинет и начав уговаривать ее не делать, по его мнению, глупостей.

— Как вы можете, европейская женщина — и дикарь. Он ведь вас и бить будет.

— А я ведь не только замуж за него пойду, но и мусульманство приму, — ответила ему Фрида.

— Ужас!!! — смог только возмутиться консул.

Князь, поняв, что в русском консульстве будут чинить всякие препятствия, забрал свою невесту и отвез ее в турец-

кое посольство, где их брак был зарегистрирован, а Фрида приняла мусульманство и превратилась в Солтанханум.

Через несколько дней супруги прибыли в Кёльн, где жили родственники Фриды-Солтанханум.

Встречены они были довольно тепло и, арендовав уютную квартиру, решили первое время пожить в Кёльне.

В Европе запахло порохом, и после убийства в Сараево эрцгерцога Фердинанда началась Первая мировая война.

Страны, к которым принадлежали супруги, оказались по разные стороны линии фронта. Пришлось срочно возвращаться в Санкт-Петербург.

К этому времени у супругов уже было трое детей. Две девочки и мальчик. Они родились в Германии и под строгим надзором матери получили качественное образование.

Война принесла много бед, но одна оказалась страшнее самой войны. Воспользовавшись слабостью российской буржуазии, пришедшей к власти после отречения Николая II, к власти пришли большевики.

Как и многие представители своего класса, семья вынуждена бежать на юг, вслед за Белой армией.

Но, прибыв на юг, семья поняла, что опоздала на последние пароходы, отправляющиеся на Константинополь. Путь к спасению семьи был отрезан. Надо было принимать решение, куда ехать жить. Выход был один: ехать на Кавказ, в Тифлис, туда, где жили родственники теперь уже бывшего князя.

Дети повзрослели. Девочки подросли, похорошели и превратились в молодых барышень на выданье. Они своей внешностью и образованностью отличались от местных барышень. Женихов появлялось все больше.

В этой ситуации труднее всех приходилось Солтанханум. Ей не давался русский, а языки местных народов она и вовсе не знала. При каждой возможности с детьми и мужем она говорила по-немецки, что уже само по себе таило опасность попасть на заметку сталинской охранке, лютойшей уже по всей стране.

Первой выскочила замуж младшая дочь — Эмма, обладавшая невероятным шармом, свободой суждений и раскованностью поведения.

Мужем ее оказался молодой персидский принц Дауд Гаджар, который управлял в Закавказье персидской выставкой ковров.

Но к этому времени золотая пора нэпа заканчивалась. Наступало время сталинских застенков.

Персидский принц оказался в числе первых арестованных по обвинению в шпионаже.

Семья была в шоке, особенно Эмма, которая только решила расстаться с мужем, узнав, что у него на родине есть гарем.

Но Эмма была воспитана на добрых традициях дворянской семьи, и бросить мужа в такую минуту она не могла. Здесь и проявился впервые ее характер.

Она с большим трудом, использовав все возможные женские хитрости, пробралась в вагон Сталина и выпросила у него бумагу об освобождении мужа. У Сталина было в то время много забот и внутри страны, и он не хотел ссориться со своим южным соседом Ираном. И он приказал отпустить принца Дауда.

Передав мужу бумагу о его освобождении, Эмма объявила ему, что расстается с ним навсегда.

К этому времени подошло время и старшей сестре выходить замуж. В Нину, так ее звали, безумно влюбился крупный политический деятель Азербайджанской республики — Самед-Ага Агамали-оглы. Это был мужчина уже в возрасте, обладающий огромным интеллектом и высоким уровнем культуры. Он оставил большой след в истории своей страны. Эмансипация забитой азербайджанки было главным делом его жизни. Его усилиями была введена в азербайджанскую письменность кириллица, которая позволила в те годы создать базу для быстрого развития школьных программ. Азербайджанская письменность не имела своего алфавита и многие века переходила от арабской вязи к персидской, а временами к тюркской латыни.

Предложение Нине было радостно встречено семьей, и только Солтанханум, в силу своей немецкой рассудительности, не доверяла фундаментальности жизнеустройства политических деятелей. И, к сожалению, оказалась тысячу раз права.

Бог на небесах един. И царь на земле тоже. Так вот Сталин, отрицавший на публике и Бога и царя, а в тишине кремлевской церквушки вымаливающий прощение за все творимое, хорошо усвоил приемы русского царизма, принесшего страшные беды народам, попавшим зачастую в силу предательств в кабалу этой власти, которая, до сих пор не освободившись от элементов рабства и феодализма, продолжает вбирать в себя все мерзкие стороны разных «измов».

Мрак покрыл огромную территорию планеты Земля, и с этим мраком пришли несчастья в семью уже почившего вечным сном кавказского князя и внучатой племянницы немецкого поэта.

Умер Агамали-оглы, и сразу, в тот же день, не дав похоронить мужа, арестовали Нину и ее брата.

Брат с первых минут ареста подвергся страшным пыткам. Ему выбили все зубы, перебили кости, мучили жаждой и не давали спать. Через неделю нечеловеческих мучений ему дали подписать бумагу, где он утверждал, что сестра была немецкой шпионкой.

Пусть каждый задаст себе вопрос: «А что бы он сделал, зная, что отказ означал продолжение мучений?»

Лично я не знаю, способен ли я выдержать.

И брат подписал показания на сестру, а после этого был расстрелян без суда и следствия и права выдачи тела родственникам.

Изначально на земле зла и добра было одинаково. Только зло имеет способность накапливаться, а добро материализуется тут же. Страшно подумать, что однажды критическая масса зла смешается с молчаливым согласием рабов и разорвет на части нашу голубую планету.

Нину признали виновной и после тюрьмы сослали на двадцать лет в Сибирь без права переписки.

Очередь была за Эммой. Но судьба решила сжалиться над этой молодой женщиной, не познавшей еще счастья материнства.

На ее горизонте появился очаровательный венгерский инженер из состоятельной семьи — Андреас де Вайда, которого в кругу близких называли Бонди. Он приехал в СССР помогать молодой республике строить социализм. То, что он обнаружил на самом деле, превзошло все его ожидания, и он решил покинуть эту страну. Но только сердце его уже было отдано Эмме, и он уже не мог ехать один.

Состоялся откровенный разговор с Солтанханум, которая спросила у Бонди:

— Любишь ли ты Эмму так, чтобы стать ее опорой в этом мире?

— Да, — ответил Бонди, — и если она не уедет со мной, то я готов погибнуть здесь вместе с ней.

— Нет, — зарыдала Солтанханум, — единственный шанс спасти мое дитя — это увезти ее из этой проклятой страны. Только так я смогу спокойно ждать Нину и Шуру.

Бедная Солтанханум так и не узнает о судьбе своих детей.

— Спаси Эмму и дай мне спокойно умереть, — были ее последние слова.

Когда после долгих волокит Бонди и Эмма уезжали в Европу, Солтанханум была спокойна и сосредоточена. Ни одна слезинка не упала из ее глаз, пока поезд не скрылся за поворотом.

Через несколько дней Солтанханум не стало. Сердце не способно выдержать всего, что выпало на ее долю.

Не стало Фриды фон Каан. Умирая, она прижимала к груди Библию, которую всю жизнь прятала от посторонних глаз. Не стало очаровательной еврейки, крещенной по желанию родителей и принявшей ислам по желанию мужа.

В ее потухающих глазах была только любовь и прощение человеку, ради которого она, бросив все, приехала в эту дикую страну и прошла сквозь все муки ада.

Но она чувствовала, любовь, пришедшая в этот мир вместе с ней, не исчезнет бесследно. Эта любовь станет частью тех, кто следует за ней, а значит, и она будет жить вечно.

Очнулась Фрида, как ей показалось, через одно мгновение. Щеки у нее были мокрыми. Неужели плакала? Да,

перед ней только что прошла картина жизни трех поколений ее семьи. Фрида фон Каан была ее прабабушкой. Ее и называли так же.

Чувствовала Фрида себя бодрой и полной энергии. Солнце ярко освещало кладбище, и оно выглядело совсем не трагическим. Какая-то тихая радость, как бывает в преддверии хороших новостей, заполняла ее грудь.

— Ну что ж, жизнь продолжается, и она прекрасна! — подумала Фрида, бросила последний взгляд на могилу близких людей, которых никогда не видела, но любила, поправила рюкзак и двинулась в сторону площади Сан Пьетро, чтобы соединиться с той массой, которая олицетворяет молодость и будущее планеты.

История еще одной Золушки

Либретто к балетному спектаклю

Действие спектакля начинается в 1920 году в Крыму в ялтинском порту.
В дальнейшем действие перебрасывается в Ниццу.
Счастливый конец происходит в Монако.

Сцена 1

Ялтинская пароходная пристань заполнена народом, пытающимся покинуть берег России до прихода большевиков. Девочка Маша идет со своими родителями к трапу парохода. Со всех сторон толкают люди. Маша крепко прижимает к себе любимую куклу.

Из толпы кто-то кричит, что красные приближаются. Начинается давка. Маша спотыкается и роняет куклу. В это время Машу подхватывает на руки папа и бежит к трапу. Последний прощальный гудок парохода, и он навсегда увозит Машу из России.

На пристани остается лежать ее кукла.

Врываются красные и, найдя пристань пустой, расстреливают Машину куклу.

Сцена 2

Большой светлый класс балета. В огромные окна на стене видна набережная Ниццы.

Класс классического танца ведет бывшая балерина Мариинского театра.

Среди девочек Маша. Она очень старается, но быстро устает. Маша долго болела и еще не совсем поправилась.

После урока дети просят учительницу показать сцены из балетов, которые она танцевала в Санкт-Петербурге.

После долгих уговоров она показывает умирающего лебедя.

Пустой балетный класс. На полу сидит Маша и снимает балетки. Она очень устала, и солнце так хорошо греет спину, что девочка засыпает прямо на голом полу.

Во сне к Маше приходят ее тетушки, которые в прошлом были фрейлинами самой императрицы, а теперь стали феями.

Тетушки ласкают Машу и обещают ей, что она скоро упадет на бал к Принцу и что там с ней случится чудо.

Маша плачет и говорит, что у нее нет красивых нарядов для бала. Но тетушки ее успокаивают и уверяют, что у Маши есть то, чего нет у других барышень, что она настоящая Принцесса и что Принц это сразу поймет.

Сцена 3

Машин сон сбывается, и ее приглашают на бал к Принцу Монако.

Огромный зал дворца. Все готово для заключительного вальса, после которого Принцесса назовет лучшую пару, а Принц вручит приз.

Маша танцует с молодым офицером из свиты Принца. Молодой человек замечательный танцор и легко водит партнершу.

А Маша и вовсе позабыв, что она на балу у Принца и что вокруг нее множество других пар, легко порхает над

паркетом, слегка касаясь пола кончиками туфелек. Она со своим замечательным партнером все время кружилась вокруг других пар, как будто те были только статистами ее танца и восторженно следили за ее вращениями.

Вальс завершился. Маша с партнером оказались прямо перед Принцем и Принцессой.

Под общие аплодисменты Принцесса объявила Машину пару лучшей.

К ним подходит Принц, целует Машу в лоб и вручает ей огромный ключ от дворца «Каза-Мия».

В этот момент на сцене появляется изображение «Каза-Мии», выбегают все ученики Академии и кланяются Принцу и Принцессе.

И с этим Машин сон становится явью, а Академия до сих пор стоит на самом видном месте маленького княжества Монако.

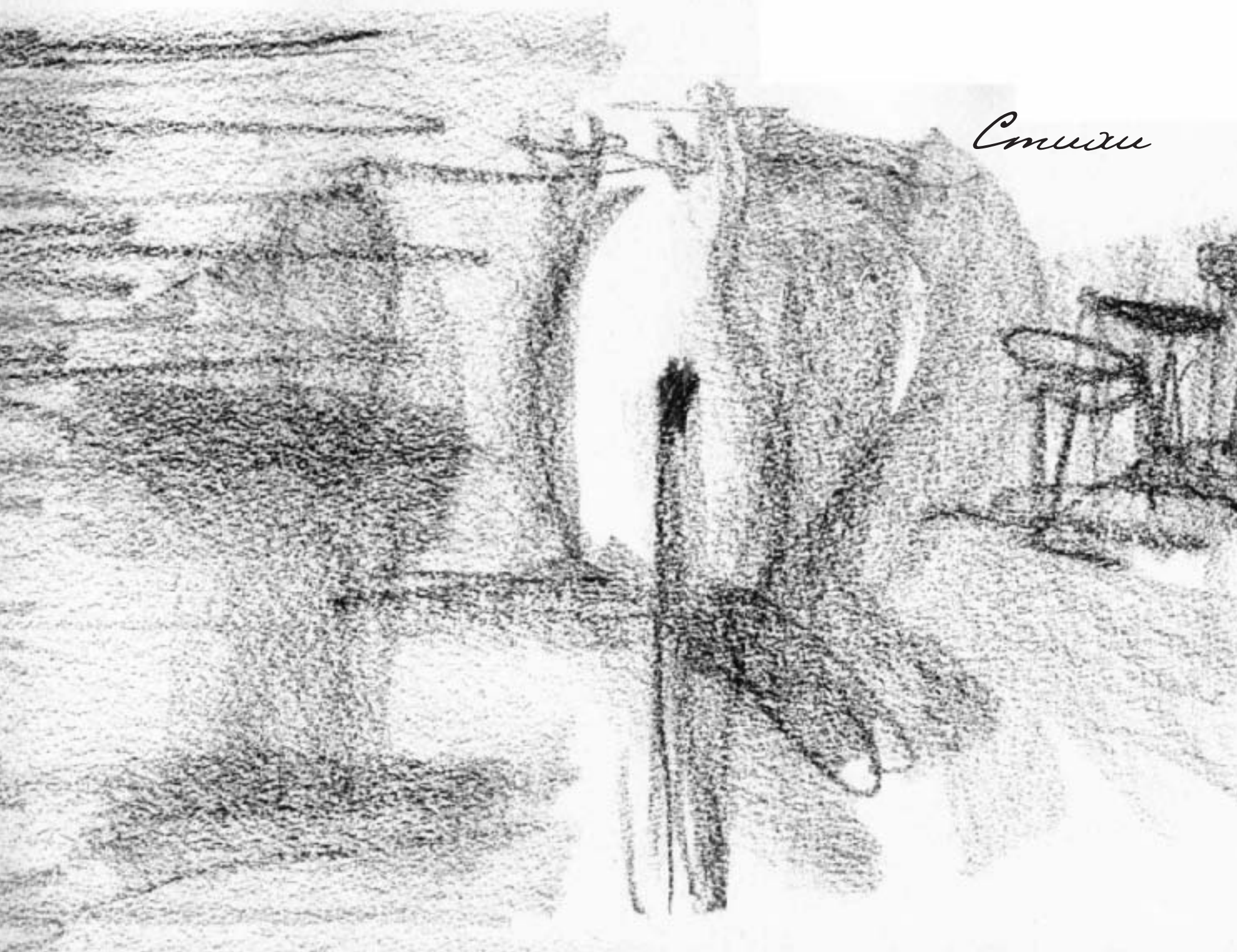
Душа эмигранта

Реплика

Душа человека индивидуальна и слишком ранима. Посмотрите только на грузинского еврея, который родился и прожил свои молодые годы в Кутаиси, а теперь живет в Тель-Авиве и, уверяю вас, телом сыт и согрет. Но как он плачет, услышав родную грузинскую речь и песню!!! Это его душа плачет. А представьте себе азербайджанца, лишенного по своей же воле звуков, запахов и вкусов родной стороны. Как он плачет, услышав родную музыку, для которой нет границ!!! Это его душа плачет.

Эмигрант не может быть счастлив, даже если он выиграет в лотерею много миллионов долларов. Тело его стареет, а душа остается молодой, и ее тянет домой. Так не мучьте ее — отпустите на волю!!!

Смущен

Вариации на тему мимозы

Мимоза, желтая как солнце,
 На берегах лазурных расцвела.
 И январю весну напомнив,
 Его чуть-чуть до слез не довела.

Решив идти весне навстречу,
 Январь мимозы куст нарвал.
 Лишь 31-го он вспомнил,
 Что между ними есть февраль.

Не обрывайте куст мимозы,
 Ей только там живется всласть.
 Ее лишь там ласкает ветер,
 Отдавший сердце ей и страсть.

Недаром женское дано ей имя,
 В природе нет случайных тем.
 Капризна, ветрена, красива,
 И холод января предпочитает всем.

Монако, 1998 г.

Мы

Сирано был уязвим для любой раны,
 Ибо был весь из сердца.
 Ахиллесу были не страшны раны,
 Ибо уязвима была только пятка.

Мы не Сирано и не Ахилесы.
 Мы состоим из сплошного желудка.

2004 г.

* * *

Здравствуй, мой далекий собеседник,
Хочется тебе мне рассказать,
Что живем мы без особых встрясок,
Моря теплого вдыхаем аромат.

Фотографий старых лица изучаем,
Сокровенное хотим найти.
А вот от реальных отражений
Всей неправдою хотим уйти.

Говорим слова, не мысли,
От глубокого раздумия бежим
И, к земле прилипнув костью,
Тихого финала заслужить хотим.

Монако, 2004 г.

* * *

Недовольными были,
С недовольными есть,
На довольствии будем!

Только что на колени,
За ушедшее время,
Не прощенное в прошлом,
Непосильное бремя.

А дрожание кистей
Над столом продолжается,
Словно в сердце ножом,
Каждый нерв обнажается.

И вопросов не счесть,
А ответов не найдено.
Что же криком кричать,
Нами все это пройдено.

* * *

От слов произнесенных страшно,
От доброты как это далеко.
Когда разваливается как-то незаметно
Все то, что создавалось нелегко.

* * *

Прощать, просить прощения —
Удел не только сильных.
Увы, дойдя до самой крайности бездушья,
И самый слабый силы соберет,
Долги свои раздаст без сожаленья,
Простит и сам
На шаткий табурет взойдет.

Гетто под названием «Монако»

Пойдешь направо — Карефур,
В конце Гримальди.
Пойдешь налево — Перигор,
В конце бульвара Итали.
Так каждый день,
Равнясь на ворота Каза-Мии,
Мы делаем алле-ретур
От площади на карефуре
До Сан-Суси у Перигора.

Монако, 1998 г.

* * *

Вчера уже не повторить,
 А завтра можно не дожидаться.
 Сегодня надо делать то,
 Что можно отдавать как можно дольше,
 А все долги простить сейчас.

Монако, 1998 г.

* * *

В невозвратную даль уходя,
 Ты маленькую хитрость допускаешь:
 Забрав с собою в путь
 Небезупречное порою «Я»,
 На суд людской ты «ОН»,
 Хвалимое по этикету, оставляешь.

Монако, 1999 г.

Мы еще не готовы

Мы еще готовы не совсем
 Жизни завершить парад.
 Тянут нас еще дороги дальние
 И шоссе горячий аромат.

Моря южного лазурное сияние,
 И Монблан в снегу.
 И поля безбрежные Германии,
 И деревни в дымке поутру.

Океана мощное волнение,
 Таласы дурманит аромат.
 И кафе на пляже Биаритцы,
 И в Совтере солнечный закат.

Пицца итальянская и кьянти,
 Фуа-гра и нежное бордо.
 В Нюрнберге роскошный карп в фритюре,
 В Совиньоне белое вино.

Тянет нас и Нотр-Дам в Париже,
 И в Сан-Себастьяне кафедрадь.
 Тянет также побродить в маисе,
 Ненадолго сбросив старости печаль.

2004 г.

День рождения Никиты

В Москве на Олимпийском
 Никита наш живет.
 И в садик детский рядом
 Он с Нелею идет.

Одет он в шапку теплую,
 И куртка на меху.
 А маме с папой варежкой
 Он машет на ходу.

А день сегодня радостный
 Для всей нашей семьи.
 Наюшиному братику
 Сегодня ровно три!!!

И поздравления летят
 Со всех концов Земли.
 И хором повторяем мы:
 НИКИТЕ ровно Три!!!

2004 г.

* * *

И не смотрите на меня
 Такими страшными глазами.
 Я вам всю правду рассказал,
 Хочу, чтоб знали.

Вы говорите — не блондин,
 Глаза не голубые.
 Что делать, предок был мой не один,
 Здесь многие гуляли.

Здесь Македонский проходил,
 Араб стрелял глазами.
 А Чингисхан так уходил,
 Что еле откачали.

А Сухову* достался пшик,
 Хоть он и не старался.
 Облюбовал себе арык
 И водкой наливался.

Теперь все трудно изменить,
 И надо ли стараться.
 Ведь говорят, чем жиже кровь,
 Тем легче сохраняться.

* Сухов — лучшее воплощение образа Красной Армии.

Содержание

Седьмое небо

Седьмое небо	6
Кролик	10
Разговор с пастором	12
Подруги	18
Первая любовь	22
Последняя любовь	26
Язык	30
Лицо женщины, или В музее Марка Шагала	33
Красный дождь	36
Пубелизм	38
Молчи, моя грусть, молчи	41
Вилла «На краю света»	44
Слон	48

Тосты для бакинцев

За матерей	52
За любовь	60
За жизнь	65
За родину	69

Сопланетяне

Урок	74
Троллейбусный билет	78

Человеческие судьбы	81
Мои американские племянники	90
Надо	94
«Тут агаджи бойунджа»	98
Оправдательный приговор	100
Протестантское кладбище, или Римские каникулы	102
Как Адама во второй раз выгнали из Рая. <i>Притча</i>	109
Русские в Монако, или Сбывшаяся мечта	112
Сказка о трех братьях	116
Великая месть. <i>Полуисторический очерк</i>	117

Разное

А любовь остается. <i>Сценарий</i>	124
История еще одной Золушки. <i>Либретто к балетному спектаклю</i>	134
Душа эмигранта. <i>Реплика</i>	137

Стихи

Вариации на тему мимозы	140
Мы	141
«Здравствуй, мой далекий собеседник...»	142
«Недовольными были...»	143
«От слов произнесенных страшно...»	144
«Прощать, просить прощения...»	144
Гетто под названием «Монако»	145
«Вчера уже не повторить...»	146
«В невозвратную даль уходя...»	146
Мы еще не готовы	147
День рождения Никиты	148
«И не смотрите на меня...»	149

Для связи с автором
email: tofik_akhmedov@libello.com

Тофик Ахмедов
СЕДЬМОЕ НЕБО,
или
РЕПОРТАЖИ ИЗ ДОМА ПРЕСТАРЕЛЫХ
Рассказы, сценарий, стихи

Художественное оформление *И. Н. Граве*
Редактор *О. А. Бретович*
Корректор *Н. М. Баталова*
Оригинал-макет *А. Б. Левкина*

Издательско-полиграфическая фирма «Реноме»

ISBN 978-5-98947-099-0

Подписано в печать 12.05.2008. Формат 84×108^{1/32}.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,4. Тираж 500 экз.
Заказ № 099-0.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме» (ИП Генкин А. Д.),
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел./факс (812) 766-05-66
E-mail: RENOME@comlink.spb.ru
www.renomespb.ru